

★ ВИКТОР ЮНАК ★

СМЕРШ идет по следу

Спасти
Сталина!

Виктор Юнак

**СМЕРШ идет по следу.
Спасти Сталина!**

«Яуза»

2015

Юнак В.

СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина! / В. Юнак — «Яуза», 2015

Ночь 5 сентября 1944 года. С рижского аэродрома взлетает секретный самолет «Арадо-232», изготовленный по заказу абвера для заброски диверсантов за линию фронта. На борту два немецких агента, обученных самим Отто Скорцени и снабженных фиктивными документами офицеров СМЕРШа. Несмотря на обстрелы зенитной артиллерии, поврежденному самолету удастся сесть в советском тылу, выгрузив мотоцикл и террористов, вооруженных пистолетами с разрывными отравленными пулями и кумулятивным гранатометом «Панцеркнаке», который легко помещался в рукаве шинели и мог поразить бронированные цели на расстоянии до 300 м. У агентов приказ: добраться на мотоцикле до Москвы, организовать засаду на кортеж Сталина и убить Вождя!..Главное управление контрразведки «Смерть шпионам!» против абвера и СД. Сталинские «волкодавы» против гитлеровских диверсантов. СМЕРШ идет по следу! Читайте первый роман о легендарной операции наших спецслужб, предотвративших покушение на Сталина.

© Юнак В., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	9
3	12
4	17
5	21
6	25
7	26
8	28
Глава вторая	33
1	33
2	36
3	39
4	43
5	46
6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Юнак

СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *И. Варавина*

© Юнак В.В., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава первая

1

В ночь с 4 на 5 сентября 1944 года с рижского аэродрома в сторону Смоленска под покровом густой тайны, сдобренной мрачной темнотой беззвездной ночи, вылетел самолет с секретной миссией. Сначала в самолет загрузили вещи и мотоцикл с коляской.

Вокруг самолета сустились солдаты. По металлическому настилу они вкатили в салон мотоцикл с коляской, забитой чемоданами, грузили тюки и коробки. Затем в сопровождении начальника особой разведывательно-диверсионной команды «Цеппелин» майора Отто Крауса, начальника 6-го отдела северной команды «Цеппелина» капитана СД Палбицина, в прошлом матерого уголовника, который занимался экипировкой диверсанта, обучал его стрельбе, готовил фальшивые документы, и оберштурмфюрера Пауля Делли, он же Ланге, руководителя гатчинской группы безопасности СД, прибыли в советской военной форме мужчина и женщина. Экипаж самолета состоял из шести человек: командира Гельмута Эмиля Фируса, бортмеханика Вилли Брауна, штурмана, фельдфебеля авиации Герхарда Тидта, радиста Герхарда Хоберхта и двух стрелков – Эугена Хеттериха и Герхарда Шнайдера.

Спустя час полета небо покрылось плотным слоем тяжелых, мрачных облаков.

Удерживая курс строго на восток, летел тяжелый десантный четырехмоторный самолет «Арадо-332», обладающий высокой скоростью и большим потолком полета – новейшая модель германского самолетостроения, созданная по специальному заказу Главного управления имперской безопасности (РСХА). Вместо обычного шасси самолет был оборудован особыми каучуковыми гусеницами с двадцатью колесами неубирающегося подфюзеляжного шасси, позволявшими приземляться на непригодных площадках, даже на пахотном поле. Кроме того, на самолете установили новейшее навигационное оборудование, благодаря которому он стал всепогодным, мог летать как днем, так и ночью. Самолет обладал способностью покрывать значительные расстояния, имел весьма малую посадочную скорость. Глушители на моторах, деревянные лопасти винтов, пламегасители, матово-черная защитная окраска всех нижних и боковых поверхностей делали самолет малозаметным во время ночных полетов. Специальный трап, а также лебедки, передвигавшиеся по потолку кабины, обеспечивали быструю погрузку и разгрузку судна. К этому следует добавить, что самолет имел хорошее вооружение и запас кислорода для высотных полетов. Словом, настоящая гордость люфтваффе. Хвост самолета украшен нацистской символикой. За штурвалом один из самых опытных германских летчиков-«ночников» в чине подполковника люфтваффе Гельмут Эмиль Фирус, еще в 1941 году удостоенный Рыцарского креста с дубовыми листьями из рук самого рейхсмаршала Германа Геринга. Под стать командиру и бортмеханик Вилли Браун. Немудрено – задание государственной важности и крайне рискованное: сесть в глубоком советском тылу, под самой Москвой (в районе Ржева), оставить «груз» и до рассвета вернуться на свою базу.

В салоне, напоминавшем своими размерами железнодорожный товарный вагон, всего два человека, закрепленный расчалками мотоцикл с коляской «М-72» советского производства, окрашенный в защитные цвета, и несколько длинных металлических опломбированных ящиков с надписью: «Вскрыть после приземления». Один из пассажиров – мужчина лет тридцати пяти, сухощавый, круглолицый, роста выше среднего, одетый в общевойсковую форму майора Красной Армии. На груди его блестят знаки высших боевых отличий – орден Ленина, два – Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды, а над ними на красной муаровой ленте сияет Звезда Героя Советского Союза. Согласно документам, он – Таврин Петр Иванович, заместитель начальника отдела контрразведки СМЕРШ 39-й армии 1-го Прибалтийского

фронта. Рядом с ним – его сослуживица, младший лейтенант административной службы, секретарь отдела СМЕРШ 2-й мотострелковой дивизии той же армии Лидия Яковлевна Шилова, среднего роста пухленькая, коротко постриженная блондинка.

Таврин глянул на часы и поправил шлем на голове.

– Сколько мы уже летим? – Чувствовалось, что Шилова явно нервничает.

– Третий час, – спокойно ответил Таврин.

– И сколько еще лететь?

– Не знаю. Должно быть, уже скоро. Командир обещал за двадцать минут до посадки предупредить нас. Да не волнуйся ты, Лида, – Таврин обнял женщину за плечи и слегка потормошил ее. – Все будет хорошо.

В это время в салон вышел командир экипажа.

– Приготовьтесь, майор, – обратился он к Таврину. – Через пять минут машина пойдет на снижение. Проверьте свое снаряжение.

– На какой высоте мы летим? – любопытствовала Шилова.

– Две тысячи пятьсот метров, фрау, – улыбнулся, глянув на Шилкову, летчик.

Он подошел к мотоциклу, убедился в надежности его закрепления, козырнул пассажирам и направился в кабину. Таврин и Шилова стали проверять свою амуницию и парашюты.

– Все нормально, Лида?

– Да.

Моторы заработали на самых малых оборотах. Машина медленно, но уверенно пошла на снижение.

Неожиданно с земли дружно ударили крупнокалиберные зенитки с какого-то хорошо замаскированного объекта. Пули, словно горох о стену, забарабанили по корпусу самолета. Задымился один из моторов. Командир экипажа делал все, чтобы удержать машину в равновесии, но высоту она все-таки стала терять слишком быстро.

– Нужно садиться, командир! Обшивка пробита, – занервничал бортмеханик.

– Да, придется, – кивнул головой подполковник. – И чем скорее, тем лучше. Но, черт побери, откуда здесь русские зенитки? Где мы летим?

– Над станцией Кубинка, командир, – водя рукой по карте, ответил штурман.

– Понятно! Разворачиваюсь в сторону Смоленска.

Однако лететь им оставалось считанные минуты. Затем раздался скрежет металла, звон стекла, треск ломающихся деревьев и – тишина. Пилоты оцепенели – не взорвались бы топливные баки. Мгновения казались часами. Первым пришел в себя командир экипажа:

– Скорее выбирайтесь из машины!

Страх подгонял. Все восьмеро мигом выбрались наружу, отбежали метров на двадцать и плюхнулись в какую-то яму с никогда не замерзающей болотной жижей. Лежат, ждут взрыва. Но взрыва нет. Возможно, свою роль сыграл пошедший дождь.

Летчики недоуменно переглядывались друг с другом, затем устремляли взгляд на самолет. Все было тихо. Настолько тихо, что даже слышен противный стук дятла по стволу дерева. А где-то вдалеке кукушка отсчитывала то ли годы, то ли дни, а то ли часы...

– Вилли, проверь! – наконец скомандовал подполковник.

– Да, командир.

Браун короткими перебежками приблизился к самолету. Выждал еще несколько секунд, поднялся и подошел поближе. Внимательно осмотрел машину, кивнул головой и повернулся к лежавшим на земле офицерам.

– Все в порядке, господа! – закричал он и замахал руками. – Мы вне опасности. Машина серьезно повреждена, но пожара нет, баки нетронуты.

Все встали, начали отряхиваться. В этот момент где-то вдалеке раздалась автоматная очередь. Все снова присели.

– Русские! – после небольшой паузы произнес подполковник. – Срочно уносим отсюда ноги!

– Э нет, господин воздушный ас! – Таврин в последний момент успевает схватить летчика за рукав. – Сначала ты мне поможешь вытащить мотоцикл.

Летчики в некотором замешательстве несколько мгновений решают, как им быть. Затем командир кивает и бежит к самолету, бросая на ходу:

– Вперед! За мной!

Оба стрелка с бортмехаником и сам Таврин быстро выкатили из салона по специальному трапу мотоцикл и сбросили на землю металлические ящики. Затем Таврин подтолкнул к мотоциклу Шилову, при этом они понимающе переглянулись, в коляску летчики быстро загрузили ящики, и через пару минут Таврин на полной скорости, не разбирая дороги, умчался прочь. Летчики тут же помчались в противоположном направлении.

Они успели вовремя – спустя несколько минут на поляне появились красноармейцы. Впрочем, пешим летчикам повезло меньше, нежели беглецам на мотоцикле – русские вскоре их настигли и окружили.

2

Май 1942 года. Под Харьковом идет жестокий бой. Без умолку ухают пушки, слышны пулеметные и автоматные очереди, ружейные выстрелы, крики людей. В небе носятся самолеты. 14-я гвардейская стрелковая дивизия Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Михайловича Шепетова ведет бой с перешедшими в наступление немецкими частями. Звание Героя Шепетову присвоили 9 ноября 1941 года за организацию прорыва из окружения.

В штабном блиндаже собралось все руководство дивизии. Начальник штаба, небольшого роста, сухопарый полковник, докладывает, стоя у карты, разложенной на столе.

– По последним данным разведки, противник стремительной контратакой силами Шестой армии прорвал оборону наших соседей из Южного фронта севернее и южнее Харькова на Барвенковском выступе. Мы оказались в окружении и отрезаны от основных сил.

– Когда получены данные? – внимательно разглядывая карту, спросил Шепетов.

– Разведчики вернулись утром, после этого удалось еще до двенадцати ноль-ноль связаться со штабом армии, – ответил начштаба.

– До двенадцати!.. – хмыкнул Шепетов, глядя на часы. – А сейчас уже почти шестнадцать. События развиваются стремительней, чем мы имеем возможность за ними следить.

В этот момент над самым блиндажом раздался взрыв орудийного снаряда. На карту, с нанесенными на ней синими и красными стрелками, посыпалась земля. Страхнув ее одним движением руки, Шепетов подошел к двери, открыл ее и посмотрел на сидевшего за столом сержанта-телефониста, постоянно что-то кричавшего в трубку и крутившего ручку коммутатора.

– Что у нас со связью, сержант?

– Пытаемся наладить, товарищ генерал. Двое связистов проверяют линию.

– Как только появится связь, тут же ко мне.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Шепетов вернулся в штабную комнату. Ему сейчас было нелегко. Ситуация – хуже не придумаешь. Еще два дня назад Красная Армия наступала силами Юго-Западного и Южного фронтов под командованием соответственно генералов Костенко и Малиновского, и стокилометровый Барвенковский выступ был ее преимуществом. Но немцам удалось переформировать войска группы армий «Юг», подвезти резервы и окружить советские войска. А это означало гибель. В принципе гибель прогнозируемую. Сталина предупреждали, что не время еще начинать наступательные операции против немцев. Слишком не равны пока были силы. Но Верховный главнокомандующий настоял на своем. А расплачивался за все русский солдат.

– Как же быстро все перевернулось с ног на голову. – Шепетов потер указательными пальцами обеих рук виски.

Он не спал несколько суток, и от этого у него ужасно болела голова.

– Еще не все потеряно, Иван Михайлович, – подбодрил комдива начштаба. – Все зависит от положения наших соседей.

– Вот в том-то и дело, Иван Семенович, что от нас с вами уже ничего не зависит, – махнул рукой Шепетов.

В этот момент в блиндаж вбежал ординарец Шепетова.

– Товарищ генерал, связной из штаба армии.

– Давай его сюда немедленно!

Ординарец повернулся в другую сторону и кому-то махнул рукой. Вскоре появился обросший двухдневной щетиной в оборванном в нескольких местах мундире капитан.

– Товарищ генерал, из штаба армии передают... – приложив руку к пилотке, начал было капитан, но генерал прервал его.

– Не тяни, капитан, не тяни! Какова обстановка?

– Мы полностью отрезаны от своих. Наша, а также 57-я, 9-я армии и оперативная группа генерала Бобкина окружены южнее Балаклеи. Сам Бобкин, а также генералы Подлас и Городнянский погибли...

В дверях появился сержант-телефонист с радостной улыбкой.

– Товарищ генерал! Есть связь со штабом фронта. На проводе маршал Тимошенко.

Шепетов схватил трубку.

– Товарищ маршал! Семен Константинович! Что нам делать? Какие будут указания?

– Какие могут быть указания, дорогой мой Иван Михайлович! Вляпались мы с тобой по самые яйца! Не зря Жуков отговаривал Верховного от этой харьковской затеи... Ну, ладно! Связь ненадежна, поэтому буду краток...

Неожиданно связь снова прервалась, но Шепетов не сразу заметил это и продолжал кричать в трубку, перекрикивая взрывы и пулеметно-автоматный треск.

– Алло! Алло! Семен Константинович! Я вас не слышу! Алло!.. Сержант!

– Сейчас, товарищ генерал!

Связист схватил телефонный аппарат и выбежал из блиндажа, но через мгновение вернулся.

– Есть связь, товарищ генерал!

– Алло! Семен Константинович! Вы меня слышите?

Сквозь помехи и шумы на другом конце провода снова раздался растерянный голос Тимошенко.

– Погиб Костенко, Ваня.

– Федор Яковлевич?

– Он самый... Ну вот что, Ваня, мой приказ таков: разбить дивизию на небольшие группки и порознь прорываться на восток, к своим. У тебя уже есть такой опыт. Может, кто-то и выживет. Прощай, мой дорогой.

Раздался еще один сильный взрыв. Связь прервалась окончательно. Шепетов все еще держал в руках телефонную трубку.

– Алло, алло! Товарищ маршал! Это приказ?

Шепетов бросил трубку на аппарат. Несколько раз прошелся взад-вперед, растерянно покачивая головой. Остановился, скрестив руки на груди, и посмотрел на сослуживцев. А те все это время напряженно следили за каждым движением своего командира.

– Вот что, товарищи! – отстраненно, глядя куда-то в сторону, заговорил Шепетов. – Мною только что получен приказ командующего фронтом маршала Советского Союза Тимошенко: разбить дивизию на мелкие группы и каждой поодиночке пытаться пробиться на восток, к своим. Армия полностью окружена и отрезана от всех соседей. Другого выхода у нас нет. Но главная наша задача – сохранить дивизию и воссоединиться за линией фронта. Одну группу возглавлю я, другие – полковники Немцов, Разумихин, Габриэлян. Торопитесь, товарищи, времени у нас в обрез. Действуйте.

Все поднялись, козырнули и вышли из штабного блиндажа. В данной ситуации действительно другого выхода спасти хоть часть людей не было. Правда, в тот момент никто не подумал, что выход из окружения далеко не всегда оканчивался счастливо – многие окруженцы попадали в фильтрационные лагеря, где орудовали особисты.

Генерал Шепетов пристегнул к кителю все свои боевые награды, включая и Звезду Героя, и вышел наружу. Посмотрел в бинокль, оценил ситуацию. Взял у ординарца автомат ППШ.

– Товарищи бойцы! На фронте сложилась серьезная ситуация. Нам необходимо сохранить дивизию в целостности и сохранности. А посему следует отступить для того, чтобы перегруппироваться и начать новое наступление. Необходимо пробиться к своим. За мной, в атаку! За родину!

Под крики «ура!» солдаты и офицеры покинули окопы и пошли в атаку. Генерал Шепетов был с ними. Вот уже смешались советские и немецкие части, пошла рукопашная. Немцы, видя перед собой русского генерала, целились в него. Один раз ординарец прикрыл Шепетова собой, затем сам генерал застрелил стрелявших в него фашистов. Но вот и он упал, сраженный вражеской пулей.

– Господин капитан! Здесь русский генерал, – радостно закричал попавший в Шепетова немецкий унтер-офицер.

– Живой? – поинтересовался капитан.

Унтер-офицер приложил ухо к груди Шепетова.

– Кажется, еще дышит.

– Немедленно отправьте его в санчасть и доложите в штаб полка.

– Слушаюсь, господин капитан.

3

Апрель 1943 года. Москва, Кремль.

Совещание руководителей советских разведслужб. Совещание проводит лично Сталин. Кроме главных разведчиков и контрразведчиков на совещании присутствуют заместитель Верховного главнокомандующего Жуков, нарком внутренних дел Берия, нарком госбезопасности Меркулов, начальник генерального штаба Василевский.

Предварительно Меркулов получил задание подготовить проект наркомата госбезопасности с детальной разработкой схемы структуры ведомства по борьбе со шпионами и диверсантами. 2 апреля проект за подписью Берии уходит к Сталину. По замыслу Лаврентия Павловича, все оперативно-чекистские управления и отделы выделялись из ведения НКВД, на их базе образовывался самостоятельный наркомат госбезопасности. Управление же особых отделов должно было войти в состав нового ведомства как одно из управлений контрразведки НКГБ – СМЕРИНШ (смерть иностранным шпионам). Но Сталину этот проект не понравился. Как и следующий, подготовленный тем же Меркуловым, предложившим в Управлении СМЕРИНШ усилить технические отделы и создать новые подразделения с функциями по работе в тылу.

Поняв, что коллективный ум все же лучше, Сталин назначил на 15 апреля совещание, на которое, собственно, и были приглашены вышеперечисленные лица. Совещание проходило, как и обычно, в кремлевском кабинете вождя. Это была большая комната со сводчатым потолком, выходившая тремя окнами на кремлевский двор. Белые, гладкие стены снизу, в рост человека, были облицованы светлой дубовой панелью.

Генералы сидели с двух сторон за длинным столом. Сталин ходил вокруг стола, держа в полусогнутой руке уже потухшую трубку.

Докладывал начальник Главного разведывательного управления генерал-лейтенант Ильичев.

– Органы военной контрразведки с самого начала войны активно боролись со шпионами, диверсантами, террористами, провокаторами в войсках и прифронтовой полосе, вели разыскную работу на пересыльных пунктах и зафронтовую деятельность. Только с 1 июля по декабрь 1941 года включительно нами было разоблачено около семи тысяч шпионов и более 450 диверсантов спецслужб нацистской Германии. В битве под Москвой было обезврежено более двухсот агентов абвера и около пятидесяти диверсионно-разведывательных групп.

Всего на Западном фронте в 1941 году армейские чекисты во взаимодействии с войсками НКВД по охране тыла задержали и разоблачили свыше тысячи фашистских агентов, на Ленинградском и Южном фронтах – около 650, на Северо-Западном – свыше трехсот. В боях за Сталинград в августе – сентябре 1942 года военные контрразведчики разоблачили более ста фашистских агентов.

В ходе зафронтовой деятельности, которая была развернута в тылу фашистских войск согласно директиве 3-го управления Народного комиссариата обороны от 27 июня 1941 года, органам военной контрразведки удалось внедриться в аппарат некоторых подразделений абвера и его разведшколы, регулярно сообщать сведения об их личном составе и агентуре, о сроках и местах выброски фашистских шпионов и диверсантов в тыл фронтов и страны...

– Товарищ Ильичев обрисовал нам идиллическую картину, – Жуков первым решился высказать свое мнение. – Но все же один важный мазок не был сделан.

Жуков посмотрел на Сталина. Тот одобрительно кивнул головой.

– Продолжайте, товарищ Жуков.

– Как органы военной контрразведки ведут работу с попавшими в плен солдатами и офицерами Красной Армии? – Жуков своим тяжелым взглядом посмотрел в упор на Ильичева.

– Мы еще летом 1942 года организовали первые проверочно-фильтрационные лагеря, куда особые отделы НКО направляли всех без исключения военнопленных, либо бежавших из плена, либо освобожденных Красной Армией из фашистских застенков, – голос начальника ГРУ был уверенным, но все же он то и дело бросал робкие взгляды исподлобья на Сталина. – Наши особисты месяцами проверяют каждого и, по мере их виновности, либо освобождают, либо судят за измену Родине.

– Вот здесь ви, товарищ Ильичев, глубоко заблуждаетесь! – Сталин был явно недоволен последними словами.

Повисла мертвая тишина. Иван Иванович Ильичев вобрал голову в плечи, на его висках выступили капельки пота.

– Ви разве нэ знаете, что русских в плену нэт?

Сталин сделал паузу, последний раз прошелся по кабинету и сел на свое место во главе стола.

– Русских в плену нэт, – повторил Верховный главнокомандующий. – Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, он автоматически перестает быть русским. Добровольная сдача в плен должна караться смертной казнью. Ви, товарищ Голиков, наверное, забыли, что 16 августа 1941 года товарищ Сталин подписал приказ № 270, объявлявший пленных дезертирами и предателями. И вам надо нэ только расстреливать и ссылат на каторгу бывших военнопленных, но и наказывать их семьи.

– Товарищ Сталин, – голос Ильичева задрожал, – ни я, ни мои подчиненные, конечно же, не забыли сути приказа-270. Из десятков тысяч прошедших через наши спецлагеря освобождены единицы, и то только потому, что они смогли доказать, что и в плену действовали так, как их учила родная наша партия, возглавляемая вами, Иосиф Виссарионович. Либо же освобождались и направлялись в штрафные батальоны те, кто приносил с собой ценнейшие сведения о противнике. Именно так я и хотел ответить Георгию Константиновичу.

– Это совсем другое дело. – Сталин удовлетворенно начал набивать свою трубку очередной порцией табака «Герцеговина-Флор». Все это время остальные молча сидели и ждали. – Я би хотел послушать мнения товарищей.

– Как видно, враг нэ дрэмлет, – слово взял Берия, поправив перед тем очки на переносице. – Ми должны еще больше завинтить гайки. Никакой жалости к изменникам родины и их приспешникам.

– Ваши предложения, товарищ Берия?

– Дать еще больше власти Управлению особых отделов НКВД.

Жуков вспыхнул. Он вспомнил, как в конце тридцатых Берия едва не отправил его самого в колымские дебри.

– Товарищ Берия, вероятно, добивается поста заместителя Верховного главнокомандующего. Но в таком случае Лаврентию Павловичу придется выезжать на фронт и находиться под обстрелом. А я не уверен, товарищ Сталин, что товарищ Берия в такой обстановке сможет действовать адекватно.

Берия спокойно (он знал себе цену) снял очки и стал протирать их платочком.

– Ирония товарища Жукова здесь нэ уместна. Речь идет о серьезных вещах.

– А я речь и веду именно о серьезных вещах, – сказал, как отрубил, Георгий Константинович.

Присутствующие стали негромко высказывать свое отношение к перепалке.

– Я считаю, что если мы пойдем на поводу у товарища Берия, армия снова станет плохо управляемой, как это уже было до тех пор, пока не ввели в войсках единоначалие, – поддержал Жукова в то время начальник Генерального штаба, генерал Василевский.

– Вы, товарищ Василевский, против особых отделов? – полюбопытствовал нарком госбезопасности Меркулов.

– Я против их всевластия на фронте. Работайте в тылу или в зафронтовых частях. С другой стороны, мы с большой пользой для фронта используем созданные контрразведкой возможности для дезинформации противника.

– А я бы вообще вывел особистов из подчинения НКВД и передал в наркомат обороны, – предложил Ильичев, уже пришедший в себя после вспышки гнева Сталина.

– И чего вы этим добьетесь? – любопытно спросил Берия.

– Мне кажется, что и товарищ Берия, и товарищ Жуков по-своему правы, – Сталин слегка прихлопнул ладонью по крышке стола.

Сталин начал раскуривать трубку, дожидаясь полной тишины и исподлобья наблюдая за происходящим. Затем поднялся и стал прохаживаться взад-вперед по кабинету. Он любил это делать, когда все остальные сидели. Человек маленького роста, он таким образом позволял себе быть выше всех, по крайней мере, на голову.

– В связи с изменившимся военно-политическим положением в нашей стране, – Сталин размахивал в такт словам рукой с трубкой, – и в связи с назревшей необходимостью я слышал мнения отдельных товарищей о необходимости реорганизации органов госбезопасности. И полностью поддерживаю это. Предлагаю на базе Управления особых отделов НКВД СССР создать военную контрразведку и передать ее в ведение наркомата обороны. Таким образом, контакт работников контрразведки с Генеральным штабом станет еще более тесным. Не так ли, товарищ Василевский?

– Я совершенно с вами согласен, товарищ Сталин.

– Нужно подумать, кто возглавит эту структуру.

Сталин глянул в сторону Меркулова. Тот поймал взгляд Верховного, порывшись в своих бумагах. Мгновение подумал, переглянулся с Берией и поднял голову.

– Думаю, что лучшей кандидатуры для этой работы, чем нынешний начальник управления особых отделов НКВД товарищ Абакумов, нам не найти. Этот человек – на своем месте, – ответил Меркулов.

– Товарищ Берия, это, кажется, ваш выдвиженец?

– Мой, товарищ Сталин.

– Тогда охарактеризуйте нам его, пожалуйста, – Сталин остановился напротив Берии.

Берия открыл папку с личными делами своих сотрудников, которую он принес с собой на это совещание, нашел нужную бумагу и стал читать:

– Виктор Семенович Абакумов родился в Москве в 1908 году. Из семьи рабочих. Член ВКП(б) с 1930 года. Начал работать с двенадцати лет. В девятнадцать стал стрелком военизированной охраны. В органах НКВД – с 1932 года. Начиная уполномоченным, затем оперуполномоченным Комиссариата внутренних дел, потом стал оперуполномоченным ГУЛАГа. В 1937–1938 годах служил в Главном управлении госбезопасности НКВД. В 1939–1940 годах – начальник НКВД Ростовской области. Понравился он мне, когда работал в спецгруппе по реабилитации людей, арестованных при Ягоде и Ежове. После этого я пригласил его в центральный аппарат НКВД.

– Будут ли у кого другие предложения? – Пока Берия читал, Сталин вернулся на свое место во главе стола.

Других предложений, естественно, не последовало. Все поддержали кандидатуру Абакумова.

Сталин снял телефонную трубку и мягко приказал секретарю в приемной:

– Товарищ Поскрёбышев, срочно пригласите на совещание товарища Абакумова... – положил трубку. – А пока вернемся к структурным и функциональным обязанностям нового подразделения.

– Во-первых, предлагаю назвать это подразделение Главное управление контрразведки «СМЕРНЕШ» наркомата обороны и военно-морского флота, от лозунга «Смерть немецким

шпионам», – первым высказал свое предложение генерал Ильичев, в ведении которого, по его предположениям, и должно находиться вновь создаваемое подразделение.

– Поддерживаю! – согласно кивнул Меркулов.

– Во-вторых, – продолжал Ильичев, – в его составе должны быть два отдела и центральный аппарат территориальных органов контрразведки. Во главе отделов должны остаться прежние начальники товарищи Барышников и Тимофеев. Считаю, что на отдел товарища Барышникова следует возложить задачу по организации розыска вражеской агентуры на территории Советского Союза и продолжение проведения радиоигр с использованием захваченных агентов-радиостов противника. А отдел товарища Тимофеева должен заниматься внедрением советских разведчиков в разведывательные и контрразведывательные органы Германии.

– Хорошо! – согласился Сталин. – Думаю, мы будем рекомендовать товарищу Абакумову принять эту структуру и заняться ее формированием. Но почему, собственно говоря, мы должны иметь в виду только немецких шпионов? Разве разведывательные службы других стран не действуют против нашей страны? Давайте назовем «Смерть шпионам»... или кратко – СМЕРШ. А деятельность СМЕРШа, я думаю, должен взять под свой личный контроль председатель Государственного Комитета Оборона и Народного комиссариата обороны СССР товарищ Сталин. Есть у кого другое мнение?

Все одобрительно закивали головами и вслух согласились со Сталиным.

– Вот и отлично! Если НКВД – это обнаженный меч пролетариата, – Сталин слегка размахивал курительной трубкой, которую держал в левой руке. Он был явно доволен сегодняшним совещанием, – то СМЕРШ – это острие меча.

В этот момент дверь зала для совещаний открылась, и на пороге появился Абакумов, высокий, хорошо сложенный человек с зачесанными назад черными волосами.

– Разрешите войти, товарищ Сталин? – Абакумов вытянулся в струнку.

– А вот и товарищ Абакумов. Проходите, Виктор Семенович, садитесь. Мы здесь как раз обсуждали вашу кандидатуру.

19 апреля 1943 г. вышло сразу два основополагающих документа, в какой-то степени взаимосвязанных. Постановление Совнаркома СССР № 415–138 сс о преобразовании Управления особых отделов НКВД в Главное управление (ГУКР) СМЕРШ НКО СССР. Возглавивший СМЕРШ Виктор Абакумов становился заместителем Верховного главнокомандующего и, таким образом, выходил из подчинения Лаврентия Берии, становясь полностью самостоятельной фигурой. И Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». За эти преступления, названные в законе «самыми позорными и тяжкими», полагалась смертная казнь через повешение.

О том же говорило и выпущенное вслед Постановление Государственного Комитета Оборона № 3222 от 21 апреля «Об утверждении положения о ГУКР СМЕРШ НКО СССР». А собственно суть этого Постановления была заложена в Приложении к нему: начальник Главного управления контрразведки НКО (СМЕРШ) является заместителем народного комиссара обороны, подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения; органы СМЕРШ являются централизованной организацией: на фронтах и в округах органы СМЕРШ (управления СМЕРШ НКО фронтов и отделы СМЕРШ НКО армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной Армии) подчиняются только своим вышестоящим органам. Задачи смершевцев были весьма конкретными: «а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии; б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии; в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фрон-

тах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов; г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних); д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах; е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника; ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

Самим контрразведчикам звучный термин «смершевец» – очень понравился, но остальные продолжали именовать их по-прежнему «особистами».

4

Весной 1942 года после разгрома немецких войск под Москвой и последующего контрнаступления Красной Армии на Западном фронте обозначилась относительная стабилизация. Но и для русских, и для немцев было ясно, что затишье продлится недолго. В таких условиях на первый план выдвигалась задача выяснения планов противника. А это было по силам только контрразведчикам и диверсантам. Таким образом, в тыл советских войск забрасывалось большое количество групп немецких агентов, сформированных в основном из завербованных немцами бывших солдат и офицеров Красной Армии. Им предстояло найти ответы на вопросы: когда и где начнется очередное наступление советских войск? Какими силами они располагают?

С другой стороны, командование Красной Армии прилагало все силы, чтобы такие данные ни за что не попали в Берлин. Были сформированы в структуре НКВД специальные поисково-истребительные группы, в обязанность которых были вменены поиск и обезвреживание диверсантов, а Управлению особых отделов НКВД под руководством полковника Николая Ендакова было поручено провербировать агентов и вступать в радиоигры с немецким Генштабом, дабы дезинформацией, одобренной дозированными и не очень секретными истинными данными, вводить в заблуждение немецкое командование.

Подобная предусмотрительность Верховного главнокомандования Красной Армии быстро сказалась на результате поисков заброшенных групп. Так, в Управление НКВД в марте 1942 года поступило сообщение, что ночной сторож одной из деревень Волоколамского района Московской области заметил, как на рассвете от самолета, летевшего на небольшой высоте в сторону Москвы, один за другим отделилось несколько парашютов. К указанному месту тут же прибыла поисково-истребительная группа. Но сторож-очевидец ничем этой группе помочь больше не смог: он не помнил, сколько, с какого самолета и когда был произведен десант.

Тем не менее поисковики-особисты тщательно прочесали все окрестности, взяли под контроль близлежащие шоссе и проселочные дороги и в тот же день задержали показавшегося им подозрительным младшего лейтенанта. Причем здесь сработали чистая интуиция и необычайная внимательность: ведь документы, предъявленные офицером, были сделаны на высочайшем уровне. Однако шпиона подвела рация, спрятанная в вещевом мешке, и крупная сумма денег, происхождение которой он не смог толково объяснить.

В результате допроса младший лейтенант признался, что он действительно является одним из парашютистов, агентом-радиом.

– Наша группа состоит из трех человек, – давал показания арестованный.

– Где остальные? – допытывался командир поисково-истребительной группы.

– Не знаю. Нас выбрасывали не одновременно, а с определенным интервалом. И мы оказались друг от друга на приличном расстоянии. Если бы не эти поиски друг друга, вы бы меня здесь не задержали.

– Значит, вы все-таки занимались поиском?

– Да! И мне удалось найти одного своего напарника. Третьего мы ждали два с лишним часа, но в условленном месте он так и не появился. Тогда мы и решили, как нас и учили в разведывательной школе, разойтись в разные стороны.

– Куда ушел ваш напарник?

– На юго-восток.

– Где вы с ним встречаетесь?

– Мы условились, что места наших дальнейших встреч будут каждый раз меняться и, в целях конспирации, мы не станем раскрывать друг перед другом адреса своего постоянного местонахождения.

– Какая задача поставлена вашей группе?

– Осесть на территории Московской области в местах, близко расположенных к идущим на запад магистралям, и круглосуточно следить за продвижениями воинских эшелонов. Результаты наблюдений я должен регулярно сообщать в разведцентр.

В тот же день радиста доставили в Москву, на Лубянку. Там не стали церемониться с бывшим сержантом Красной Армии. На допросе он показал, что он и его сослуживцы в результате окружения попали в плен и оказались в лагере советских военнопленных, где некоторых завербовали немцы и отправили в Катынскую разведывательно-диверсионную школу. Затем в поселке Красный Бор под Смоленском он прошел специальную трехмесячную подготовку.

– Я очень хотел жить и только поэтому согласился пойти на службу к немцам. Поверьте, никакого вреда Советскому Союзу я не нанес.

– Ты его совершил уже тогда, когда дал согласие на сотрудничество с немцами. Ты – изменник Родины, и не будет тебе никакой пощады.

На глазах у бывшего сержанта выступили слезы. Лицо его слегка припухло.

– Я готов искупить свою вину, – простонал он, глядя в глаза следователю. – Я готов сделать все, что вы мне прикажете. Только пощадите, прошу вас!

Следователь закурил, встал, прошелся по кабинету. Затем подошел к двери и позвал охранника.

– Уведите арестованного!

Дело бывшего сержанта Красной Армии Петрова было доложено следователем начальнику отдела. Следователь считал, что Петров вполне годится для двойной радиоигры с немцами. Изучив протоколы допроса Петрова, руководители Управления НКВД приняли решение перевербовать радиста. Тот, разумеется, с радостью согласился.

– Клянусь всем дорогим, что у меня есть, я сделаю все, чтобы оправдать оказанное мне доверие.

В оговоренный с абвером день и час он вышел в эфир с сообщением о благополучном приземлении и обстоятельствах потери третьего агента. Так началась игра, названная руководством НКВД «Бумеранг».

Спустя несколько дней, когда второй агент явился на встречу с радистом, чтобы передать собранные сведения, он был взят под наружное наблюдение. Таким образом выявили населенный пункт, в котором агент снимал комнату. Петров доложил в центр, что в ближайшие дни он передаст сообщение о первых результатах наблюдения за железной и шоссейной дорогами.

Рядом с домом, где поселили Петрова, расположился и сотрудник особого отдела НКВД Николай Грачев, который не только следил за радистом, но и практически все это время опекал его. Будучи ровесниками, они даже, незаметно друг для друга, сдружились.

Для укрепления доверия со стороны абвера к радисту и группе в целом было принято решение второго агента оставить пока на свободе, используя его, помимо его воли, в игре втемную. В таком случае была просчитана вероятная возможность продвижения дезинформации до высших звеньев вермахта, с учетом планов советского командования Западного фронта.

К счастью, немцы поверили радисту. Петров вскоре «превратил» ряд лиц из своего окружения, в том числе и железнодорожников, в источник, откуда он черпал сведения для абвера. Да и требование Ставки Верховного главнокомандования о переброске частей и соединений, а также военной техники в ночное время, в условиях строжайшего соблюдения маскировки, как нельзя лучше способствовало радиоигре.

Однако время шло. Истекал срок действия фиктивных документов, которыми абвер снабдил своих агентов. Наступал момент, когда по всем техническим параметрам должно было иссякнуть и питание для рации. Петров во время очередного своего сеанса напомнил об этом Центру. Буквально тотчас же последовал ответ:

– Будьте готовы к приему курьера. Он посетит вас в удобный для него момент и доставит все необходимое.

Операцией «Бумеранг» давно уже интересовался Виктор Семенович Абакумов, возглавлявший в то время Управление особых отделов Наркомата обороны. Он давно хотел взять нити этой радиоигры в свои руки, однако из цепких объятий наркома НКВД Лаврентия Берии не так-то легко было что-либо вытащить. Но Абакумов воспользовался случаем: на одном из личных докладов Сталину он сумел убедить того, что негоже боевые операции оставлять в руках НКВД. Сталин долго думал, советовался с Жуковым и Ильичевым. Наконец, понял, что с помощью этого самого «Бумеранга» он может, с одной стороны, усилить дезинформационные меры командования, а с другой стороны – затруднить немцам определение советских планов на Западном фронте. Вопрос моментально был решен в пользу Абакумова.

Подчиненные уважали Виктора Семеновича за его открытость и доступность. Он никогда не кичился своим высоким положением, памятуя о том, что сам поднялся по крутой иерархической лестнице с самых низов. К тому же он умел прислушиваться к мнению собеседника, какое бы положение тот ни занимал.

Абакумов вызвал к себе полковника Барышникова.

– Подготовь-ка мне справку об этой радиоигре. Меня интересует все: как она возникла, вполне ли можно доверять радисту, надежно ли обеспечено наблюдение за вторым агентом, какова реакция абвера на переданную информацию, какими нам видятся перспективы.

Абакумов сделал паузу, следя за тем, как Барышников быстро записывает его вопросы. Откинувшись на спинку стула, генерал еще немного подумал и добавил:

– Отрази в этой справке главные моменты дела. Обязательно дай краткое обоснование путей развития игры – как мы их себе представляем. К справке приложи проект очередного сообщения радиста в радиопункт. Будь начеку, – предупредил Абакумов. – Дело ясное: курьер непременно явится.

Барышников дал задание в отдел и к утру следующего дня получил требуемую Абакумовым справку и проект шифрограммы с очередной порцией дезинформации, завершающейся известием о прибытии курьера. Это делалось на тот случай, если курьер действительно явится в эти дни. Документы тут же были переданы Абакумову.

Едва успев получить последнюю информацию от Николая Грачева, Барышников услышал телефонный звонок. В трубке послышался резкий командный голос Абакумова:

– Заходи!

– Виктор Семенович, два часа назад прибыл курьер и доставил все необходимое, – начал свой доклад Абакумову полковник. – Сейчас он отдыхает в комнате радиста. Двинуться обратно намерен утром. На месте находится группа захвата.

– На, прочти, – прервал его Абакумов, протягивая Барышникову справку и проект сообщения в разведцентр.

Барышников выдвинул стул, присел и разложил перед собой бумаги. Он увидел, что местами текст справки подчеркнут жирным синим карандашом. В заключительной части, где излагались соображения Управления, внесена небольшая правка. Такой же синий карандаш прошелся и по тексту шифрограммы.

Внезапно лоб Барышникова покрылся испариной: он узнал этот почерк. Растерянно посмотрел на Абакумова.

– Ну что, узнал? – поинтересовался тот. – Да, да! Это правка товарища Сталина. Верховный считает, что немедленный захват курьера – риск малооправданный, за ним может быть и контрнаблюдение. В результате провала игры мы лишим себя возможности продолжить очень важную для военных в данный момент дезинформацию врага. Товарищ Сталин считает также, что при таком образе действий мы упустим благоприятную возможность выследить, где и как агентура немецкой разведки преодолевает линию фронта по возвращении с выполненного

задания, какими опорными пунктами во фронтовой полосе пользуется, а то, что они есть там, – не вызывает сомнений.

– Значит, выпустим его?

– Ни в коем случае, Володя. Курьера будем арестовывать. Но не там, где намечали, а в самом последнем пункте пути его следования через фронтовую полосу. Необходимые распоряжения военным контрразведчикам об организации надежного контроля за поведением курьера во время его пребывания во фронтовой зоне и быть готовыми к его задержанию в последний момент, я уже сделал.

5

14 июля 1942 года. Берлин.

В резиденции руководителя отдела «Иностранные армии – Восток» полковника Райнхарда Гелена приняли очередное радиодонесение из Москвы. Полковник, откинувшись в кресле, закинув ногу на ногу и покуривая сигарету, молча слушал дешифровальщика.

«Четыреста тридцать восьмой Центру.

Военное совещание завершилось в Москве вечером 13 июля. Присутствовали Шапошников, Ворошилов, Молотов, британский, американский и китайский военные атташе. Шапошников заявил, что их отступление будет до Волги, чтобы вынудить немцев зимовать в этом районе. Во время отступления должны осуществляться всеобъемлющие разрушения на оставляемой территории; вся промышленность должна быть эвакуирована на Урал и в Сибирь.

Британский представитель попросил о советской помощи в Египте, но получил ответ, что советские резервы мобилизованной живой силы не столь велики, как полагают союзники. Кроме того, им не хватает самолетов, танков и артиллерийских орудий, в том числе и потому, что часть поставок этого вооружения, предназначенного для России, которое британцы должны были доставить через порт Басра в Персидском заливе, была перенацелена для защиты Египта. Было решено провести наступательные операции в двух секторах фронта: севернее Орла и севернее Воронежа с использованием больших танковых сил и воздушного прикрытия. Отвлекающая атака должна быть проведена у Калинина. Необходимо, чтобы Сталинград, Новороссийск и Кавказ были удержаны».

Дослушав до конца, Гелен довольно улыбнулся. Отпустив дешифровальщика, он встал, потушил окурки в фарфоровой пепельнице и нажал на кнопку звонка, расположенную под крышкой столешницы.

Тут же вошел адъютант.

– Генрих, срочно свяжитесь с Гальдером. Мне необходимо немедленно с ним встретиться. И машину к подъезду.

Адъютант щелкнул каблуками, кивнув головой, и вышел.

Через полчаса Гелен стоял в кабинете начальника германского Генерального штаба генерала Франца Гальдера и протягивал ему папку с расшифрованной радиোগраммой из Москвы.

– Что это?

– Донесение агента 438 о вчерашнем совещании в советском Генштабе, генерал, – доложил Гелен.

Гальдер надел очки, открыл папку, взял в руки лист бумаги. Прочитал донесение. Отбросил его на стол. Прикрыл глаза козырьком из ладони. Несколько минут помолчал. Затем перечитал документ еще раз. Выдвинул один из ящиков стола, достал оттуда красную кожаную папку со свастикой, открыл ее, достал нужный документ, прочитал его. После этого посмотрел на Гелена.

– Вы полностью доверяете агенту 438?

– Это первое его значительное донесение, но я склонен ему верить, – без тени сомнения в голосе произнес Гелен.

– Давно работает агент?

– Один месяц. Но он имеет доступ к самым секретным документам русских.

Гальдер удивленно посмотрел на полковника, но тот выдержал взгляд начальника, при этом ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Хорошо, полковник, идите, – после небольшой паузы произнес Гальдер. – Но будьте у себя. Не исключено, что вашим агентом и его данными заинтересуется лично фюрер.

– Хайль Гитлер! – Гелен вскинул руку вверх и щелкнул каблуками.

Едва за Геленом закрылась дверь, Гальдер нажал на кнопку громкой связи.

– Отто! Пригласите ко мне адмирала Канариса.

– Да, господин генерал!

Шеф абвера адмирал Фридрих Канарис явился к начальнику Генштаба по первому требованию, но был явно недоволен, о чем тут же посчитал необходимым и сообщить Гальдеру:

– Генерал, в момент звонка вашего адъютанта я занимался разработкой деталей очень важной операции, которую взял под личный контроль сам фюрер.

Общеизвестной была взаимная антипатия и нездоровая конкуренция между двумя ведомствами – Генштабом и абвером. И хотя в принципе абвер работал независимо от Генерального штаба и его руководитель (в данном случае, адмирал Канарис) имел право докладывать непосредственно Верховному главнокомандующему (Гитлеру) и, соответственно, напрямую от Гитлера мог получать задания, но по военной субординации военная разведка все-таки подчинялась Генштабу.

– Мы здесь тоже не в солдатики играем, адмирал, – поморщился, словно от зубной боли, Гальдер. – И если я срочно пригласил вас к себе, значит, у меня на то были веские основания. И новость, которой я хочу поделиться с вами, именно по вашей части. Вот, ознакомьтесь с этим документом.

Гальдер протянул Канарису листок с донесением агента 438. Канарис выдвинул стул и сел за стол, приставленный перпендикулярно к столу Гальдера. Читал и вертел головой. Затем посмотрел на Гальдера.

– Этот агент достоин доверия? – удивленно взглянул на генерала Канарис.

– Это – человек Гелена. Это его первое серьезное донесение, но Гелен тем не менее склонен ему доверять.

– Зато я не слишком доверяю подобной информации, особенно исходящей от не проверенных временем агентов и не имеющей подтверждения из других источников, – Канарис отодвинул от себя листок с донесением и с напыщенным выражением лица облокотился на спинку стула.

– В том-то и дело, адмирал, что данное донесение подтверждается из других, не имеющих отношения к агенту 438, источников, – грустно усмехнулся Гальдер, начав перебирать свои бумаги.

– А именно?

Гальдер, наконец, нашел нужный ему документ и протянул Канарису.

– Буквально два дня назад мне на стол положили перехват послания Черчилля Сталину от 10 июля, где британский бульдог благодарит Сталина за «согласие на отправку нашим вооруженным силам в Египет сорока бомбардировщиков «Бостон», прибывших в Басру по пути к Вам».

Канарис взял протягиваемую ему бумагу и тут же стал ее просматривать.

– Кроме того, – продолжал Гальдер, не дожидаясь, пока адмирал ознакомится с документом, – начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии Смирнов направил докладную на имя заместителя наркома обороны Щаденко об уменьшении числа коек и сокращении штатов эвакогоспиталей, чтобы высвободить для нужд фронта двести тысяч человек, – он положил перед Канарисом очередной документ. – Надеюсь, я привел вам достаточно доказательств?

– Вполне. Информация, заслуживающая особого внимания.

– Да! Как видим, у русских большие проблемы. Еще немного усилий, и мы свернем шею русскому медведю. Но...

Гальдер сделал многозначительную паузу и посмотрел на Канариса. Адмирал не торопил начальника Генштаба и сам поймал взгляд генерала.

– Я бы хотел, адмирал, услышать от вас о ваших достижениях в деле подготовки разведкадров и внедрения их в глубокий тыл русских.

– Для этих целей мною создана разведшкола в Брайтенфурте под Веной, – Канарис начал докладывать четко, без запинки. Гальдеру стало понятно, что это действительно его конек, или, если хотите, любимое детище. – Там работают самые опытные инструкторы абвера. Но хороший разведчик-диверсант не готовится за два дня, господин генерал. И вы об этом знаете.

– Вам необходимо срочно переориентировать подготовку разведкадров. Ситуация в России говорит о том, что основной упор нужно делать на заброску диверсантов в районы Урала, Сибири и Средней Азии, куда эвакуированы основные оборонные предприятия из западных регионов страны. Мы должны парализовать всю тяжелую промышленность противника. Кроме того, мне нужны самые подробные сведения и в самые кратчайшие сроки об авиационных, танковых и артиллерийских заводах.

– Этим и занимается абвер. Сейчас я работаю над докладной фюреру об успехах моего ведомства.

– Не забудьте упомянуть и о недостатках, – не без иронии заметил Гальдер, давая понять, что разговор окончен.

Канарис встал и лихо щелкнул каблуками.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Адмирал Фридрих Вильгельм Канарис – человек с весьма любопытной биографией. Родившись в семье директора металлургического завода, в Первую мировую он начал службу обер-лейтенантом на крейсере «Дрезден». В декабре 1914 года практически вся германская эскадра была уничтожена превосходящими британскими силами у Фолклендских островов в далекой Южной Америке. И только крейсеру «Дрезден» удалось спрятаться в одной из многочисленных бухточек Огненной Земли. Однако топливо и продовольствие были на исходе, и «Дрездену» ничего другого не оставалось, как выйти в море и причалить у берегов Чили. Но то ли случай, то ли разведка помогли – внезапно для немцев неподалеку неожиданно появился британский крейсер «Глазго» и открыл по противнику огонь из всех орудий. Корабль пошел ко дну, экипаж же высадился на берег. Раненых немцев чилийские власти эвакуировали в Вальпараисо, а остальных матросов и офицеров, в числе которых был и Канарис, интернировали на остров Кириквина. На этом острове будущий шеф абвера в совершенстве изучил испанский язык и в один прекрасный день осени 1915 года, выдавая себя за чилийца, сбежал из лагеря. 1200 километров он, где пешком, где на лошади, брел по территории Чили и Аргентины, там сделал себе документы на имя чилийского вдовца Рида и под этим именем сел на пароход «Фризия», отправлявшийся в Роттердам. Но и на пароходе не терял зря времени – в разговорах с англичанами совершенствовал свой английский.

Летом 1916 года он оказался в Мадриде, где был назначен помощником германского военно-морского атташе, капитана III ранга фон Крона. В испанских портах он под именем чилийца Рида Розаса вербовал агентов для наблюдения за движением судов, а также искал капитанов судов и коммерсантов, готовых снабжать запасами продовольствия германские базы подводных лодок. Так начиналась разведывательная карьера будущего адмирала.

В одной из характеристик Канариса, датированной 1 ноября 1926 года, говорилось: «...чувствуя до тонкостей психологию и национальные особенности иностранцев, обладая к тому же поразительным знанием многих языков, Канарис умеет отличным образом устанавливать контакты (от самого маленького человека до знаменитостей) и завоевывать в кратчайшие сроки их доверие. Когда он имеет задание установить такой контакт, то никаких преград для него не существует; ничто не может удержать; нет такого неприступного бастиона, куда бы он не смог проникнуть к интересующему его лицу, а затем, одержав быструю победу, строить по-детски невинную мину». В июне 1929 года Канарис был произведен в капитаны II ранга и вскоре

назначен начальником штаба эскадры в Северном море, а некоторое время спустя – в октябре 1932 года – становится командиром линкора «Шлезвиг». Вскоре после прихода Гитлера к власти Канарис начал выступать перед личным составом линкора с восхвалением национал-социалистских идей и, как писал один из его начальников, «в результате тщательной подготовки и высоких умственных способностей добился в этой области заметных успехов». Он не упускал возможности завязать знакомства среди влиятельных лиц новой фашистской иерархии.

6

Канарис вернулся в штаб военной разведки и быстрым шагом прошел в свой кабинет, сопровождаемый адъютантом в форме полковника сухопутных войск. Он был зол, страшно раздражен разговором в Генштабе и не скрывал этого. Гелен обставил его, как мальчишку, а мерзавец Гальдер не преминул этим воспользоваться.

– Вы довольны своим человеком в ведомстве Гелена, полковник?

– Вполне. – Полковник пока еще не понимал, чем вызвана вспышка гнева у шефа, но ясно почувствовал свою вину.

– Зато мне кажется, что вы зря его прикармливаете, полковник.

– Не совсем понимаю вас, мой адмирал.

– Мне срочно нужны данные на агента 438 из ведомства Гелена, – Канарис уже вошел в свой кабинет и сразу же прошел за письменный стол и сел, устало прикрыв ладонью глаза.

– Слушаюсь, – щелкнул каблуками полковник.

Выйдя от шефа, он тут же связался со своим агентом в ведомстве Гелена и уже через короткое время вернулся в кабинет Канариса с папкой в правой руке.

– Господин адмирал, я готов сообщить вам данные об агенте 438.

– Я весь – внимание. – Адмирал курил, выпуская кольца дыма и отгоняя их от себя рукой.

Полковник положил папку на стол перед Канарисом и сделал шаг назад, стоя ожидая, пока шеф знакомится с досье. Адмирал тем временем читал: «Владимир Минишкий, тридцати девяти лет. 13 октября 1941 года под Вязьмой германским патрулем был взят в плен. Назвался капитаном Красной Армии. Однако сотрудниками отдела «Иностранные армии – Восток» довольно быстро был раскрыт и вскоре сам сознался в том, что до войны занимал важный пост в центральном аппарате партии, будучи одним из семи подсекретарей ЦК ВКП(б). В военное время стал комиссаром. В этом признался сам, сразу же решившись пойти на сотрудничество с германской армией. После не очень длительной подготовки в разведшколе ведомства Гелена Минишкий в июне сего года был переправлен обратно через линию фронта в тыл к русским. По легенде – он вышел из окружения. К нашему счастью, ему поверили и даже назначили на работу в секретариат Государственного Комитета Обороны.

В Москве он установил связь с радистом по кличке Александр, который в чине капитана служит в батальоне связи в Подмоскowie».

– Я доволен, Вилли, вашей оперативностью и работой вашего человека, – Канарис наконец-то позволил себе улыбнуться. – Готовьте самолет. Мы срочно летим в Брайтенфурт. Идите!

7

Дезертирство в частях Красной Армии и добровольная сдача в плен немцам приняли угрожающие размеры – солдаты и даже офицеры уходили тысячами, десятками тысяч. И это – не считая попавших в плен вследствие окружения и ранения. С этим нужно было что-то делать. Абакумов напруг все Главное управление контрразведки, привлекая к этому специалистов фронтовых управлений, и уже к лету 1943 года в недрах СМЕРШа, впервые в оперативной практике, была разработана и проведена уникальная по-своему операция под названием «Инсценировка «Измена Родине». Воплотить ее в жизнь предстояло Управлениям СМЕРШ Брянского и Центрального фронтов.

19 июня Абакумову положили на стол сводку из управления контрразведки СМЕРШ Брянского фронта об итогах оперативно-чекистских мероприятий под кодовым названием «Измена Родине»:

«В мае с. г. наиболее пораженными изменой Родине были 415-я и 356-я сд 61-й армии и 5-я сд 63-й армии, из которых перешли к противнику 23 военнослужащих. Одной из наиболее эффективных мер борьбы с изменниками Родины, в числе других, было проведение операций по инсценированию под видом групповых сдач в плен к противнику военнослужащих, которые проводились по инициативе Управления контрразведки СМЕРШ фронта под руководством опытных оперативных работников отделов контрразведки армии.

Операции происходили 2 и 3 июня с. г. на участках 415-й и 356-й сд с задачей: под видом сдачи в плен наших военнослужащих сблизиться с немцами, забросать их гранатами, чтобы противник в будущем каждый переход на его сторону группы или одиночек изменников встречал огнем и уничтожал.

Для проведения операций были отобраны и тщательно проверены три группы военнослужащих 415-й и 356-й сд. В каждую группу входили 4 человека.

В 415-й сд одна группа состояла из разведчиков дивизии, вторая – из штрафников.

В 356-й сд создана одна группа из разведчиков дивизии (...).

После подбора группы были отведены в тыл дивизий, где проходили под руководством опытных командиров специальную подготовку.

При подготовке особое внимание было обращено на умение участвующих в операции эффективно забросать немцев гранатами и быстро скрыться после выполнения ее. Подготовка осуществлялась на местности, аналогичной предполагаемым районам действия (...).

Одновременно были намечены конкретные места действия групп, подготовлены планы действия и расчеты артиллерийского и минометного огня для поддержки групп во время операции.

Места для операции групп были выбраны там, где имелись случаи групповых переходов линии фронта изменниками Родины. 2 июня 1943 г. в районе обороны действовали первая и вторая (группы), 3 июня с. г. в районе обороны 356-й сд действовала третья группа.

Операция первой группы (разведчики) 415-й сд

2 июня с. г. в 4.00 группа после сосредоточения на исходном рубеже подползла к немецкому проволочному заграждению, встала и, подняв руки, начала искать проход в проволочном заграждении. Немцы сразу же заметили идущих и стали звать их к себе. Три немца во главе с офицером вышли навстречу разведчикам, сблизившись с группой у проволочного заграждения на 30 м. Разведчики забросали подошедших немцев гранатами, уничтожив трех немцев, без потерь вернулись обратно.

Отход группы поддерживался огнем из всех видов оружия.

Операция второй группы 415-й сд (штрафники)

2 июня с. г. в 3.00 группа сосредоточилась на исходном рубеже в 100 м от противника, недалеко от нашего проволочного заграждения.

В 4.00 двумя партиями по два человека, с поднятыми руками, пошли к проволочному заграждению, один из первых держал в руках белый лист бумаги, означавший немецкую листовку.

При входе к проволочному заграждению немцев группа увидела двух немецких солдат, которые начали указывать место для прохода через заграждение.

Группа, пройдя немецкое проволочное заграждение, заметила, что от последнего к немецким траншеям идут два хода сообщения и в траншеях группу ожидают около 20 немецких солдат. При подходе к скоплению немцев на 30 м группа забросала немецких солдат гранатами. И после использования всего запаса гранат, под прикрытием артиллерийского и минометного огня, отошла в наши окопы. При отходе два человека из группы получили легкое ранение и сейчас находятся в строю.

Операция третьей группы 356-й сд (разведчики)

3 июня с. г. в 3.00 группа вышла с исходного рубежа и дошла до проволочного заграждения немцев, где была встречена одним немецким солдатом, который их остановил словом «хальт».

Когда старший группы назвал пароль для перехода – «штыки в землю», немец стал показывать дорогу к проходу, находясь от группы в 20 м.

В это время он был забросан гранатами, а группа вернулась в свои траншеи. По группе был открыт противником огонь, однако никто из нее ранен не был.

Все группы поставленные перед ними задачи выполнили отлично, никаких происшествий за время операций не случилось.

Поставлен вопрос перед военным советом 61-й армии о награждении участников операций, а также о снятии судимости с группы красноармейцев штрафной роты 415-й сд, принимавших участие.

Отделами контрразведки армии даны указания о проведении аналогичных инсценировок «Измена Родине» в частях, наиболее пораженных переходами военнослужащих к противнику».

8

Июль 1942 года.

Столица Восточной Пруссии – Кёнигсберг. Город, утопающий в зелени и золоте янтаря, выбрасываемого на берег мрачным Балтийским морем. В одном из административных старых, фундаментальных зданий города находилось местное отделение имперского министерства безопасности (РСХА), VI Управление которого с недавнего времени возглавлял молодой, тридцатичетырехлетний любимец Гитлера, бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг.

Неожиданные дела, а также пленение русского генерала под Харьковом привели его в Кёнигсберг. Шелленберг сидел в своем кабинете и изучал какие-то бумаги. В этот момент тяжелая дубовая дверь в его кабинет открылась и на пороге появился начальник Восточного отдела Главного управления имперской безопасности оберштурмбаннфюрер СС Генрих Грейфе в черной эсэсовской форме и с кожаной папкой в руках.

– Разрешите, бригаденфюрер?

Шелленберг оторвал глаза от бумаг. Было видно, что он устал.

– Что у вас, оберштурмбаннфюрер? – тяжело вздохнул Шелленберг.

– Доставили русского генерала Шепетова, бригаденфюрер.

– Как он? – сразу же оживился Шелленберг.

– Если вы о его здоровье, то наша славная медицина вытащила его практически с того света.

– А ведет себя как?

Оберштурмбаннфюрер в ответ лишь нерешительно пожал плечами и беззвучно зашевелил губами.

– Не жеманничайте, Генрих, – строго отчитал подчиненного Шелленберг. – Офицеру СС это не к лицу. Я хочу услышать правдивый ответ на четко сформулированный вопрос.

– Если вы хотите услышать правдивый ответ, бригаденфюрер... – снова замялся Грейфе.

– И только его!

– ...то он будет таков: ведет себя Шепетов по-генеральски. Все попытки вербовки его для работы на нас отменяет с ходу. А в самом начале спросил, не должен ли он попросить пистолет, чтобы застрелиться.

– Ну, дорогой мой оберштурмбаннфюрер, генералы бывают разными, и, соответственно, вести себя они могут тоже по-разному, – улыбнулся Шелленберг. – Пример генерал-лейтенанта Красной Армии Власова тому яркое подтверждение...

– Да, но генерал Власов не был награжден высшим боевым орденом большевиков, – возразил Грейфе. – К тому же у русских был и другой генерал – Карбышев.

– Это не меняет сути, – сразу помрачнел бригаденфюрер. – И вообще, не надо со мной спорить! Дайте мне протоколы допросов генерала Шепетова.

Грейфе встал по стойке «смирно», щелкнул каблуками, затем подошел к столу Шелленберга, открыл папку и положил перед ним дело генерал-майора Ивана Шепетова. Шелленберг быстро, по диагонали, прочитал его, перелистывая страницу за страницей.

– Вы можете быть свободны, Грейфе, – не отрываясь от чтения, произнес Шелленберг. – А генерала Шепетова пусть введут ко мне.

– Слушаюсь, господин бригаденфюрер.

Еще раз щелкнув каблуками, оберштурмбаннфюрер вышел, прикрыв за собой дверь. Несколько минут Шелленберг сидит в своем кабинете в одиночестве, продолжая изучать бумаги. Затем половина высоких дубовых двустворчатых дверей открылась, и на пороге появилась изможденная фигура в потертой полевой форме генерала Красной Армии. Это был генерал-майор Иван Михайлович Шепетов.

Шелленберг устремил взгляд на него, и некоторое время они молча изучали друг друга. После этого Шелленберг встал, обошел вокруг стола и приблизился к Шепетову.

– Так вот вы какой, Герой Советского Союза генерал-майор Шепетов.

– К сожалению, не могу ответить вам тем же, поскольку ваши подчиненные не оказали мне чести представить вас, – хриплым голосом заговорил Шепетов.

Тяжелое ранение, пленение и постоянные допросы сделали свое дело: генерал-майор постарел сразу на добрый десяток лет.

– Вот как? – искренне удивился Шелленберг. – Согласен, это большое свинство с их стороны. Впрочем, что же мы стоим? Вы, после вашего тяжелого ранения, вероятно, еще довольно слабы. Прошу вас, присаживайтесь!

Шелленберг указал на небольшой кожаный диван, стоявший у окна. Сам же подошел к столу, взял портсигар, открыл его и, подойдя к уже присевшему Шепетову, протянул тому сигареты.

– Курите, пожалуйста.

– Не курю, – покачал головой Шепетов.

– Напрасно отказываетесь, – улыбнулся Шелленберг. – Это сигареты американского производства. Как видите, война войной, а торговля торговлей. Американский бизнес продолжает сотрудничать с германской экономикой.

Шепетов снова отрицательно покачал головой.

– Ну, дело ваше.

Он отнес портсигар на стол, вынул оттуда сигарету, взял зажигалку, прикурил. Сел на свое место и, не отрывая глаз от пленного русского генерала, вновь заговорил.

– Я думаю, что мне все-таки пора и в самом деле представиться. Я – бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг, начальник VI Управления имперской безопасности. Чтобы вам было более понятно – глава политической разведки Германии.

– Я так понимаю – эсэсовский генерал?

– Если вам угодно, – Шелленберг улыбнулся и сделал рукой неопределенный жест.

– Так вот, генерал, могу вам сразу сказать: если вы тоже будете склонять меня к измене Родине, то у вас ничего не выйдет. Лучше не тратьте зря своего драгоценного времени.

– О какой Родине вы говорите, генерал? – Когда нужно, Шелленберг умел изображать на лице искреннее удивление. – Родина, если вы имеете в виду Россию, уже давно и безоговорочно отказалась от вас. Вы, конечно же, знакомы с прошлогодним приказом Сталина № 270, согласно которому пленные красноармейцы объявлялись дезертирами и предателями. Но и это еще не все. Есть кое-что более свежее. Вот, пожалуйста, ознакомьтесь с приказом Сталина «Ни шагу назад!».

Шелленберг взял лист бумаги, вышел из-за стола, снова подошел к Шепетову и протянул ему документ. Шепетов пробежал его глазами и без комментариев вернул его Шелленбергу.

– Сталин отказался от собственного сына Якова, так же, как и вы, попавшего в плен, будучи без сознания. Неужели вы думаете, что он хоть пальцем пошевелит, чтобы вызволить из плена вас, генерал? – попытлся убедить пленника Шелленберг. – А если вам и удастся каким-то образом вернуться в Россию, то уверяю вас, вам не миновать концлагерей, где у вас ваши, большевистские, громилы вышибут последнюю каплю патриотизма.

– Вы говорите не всю правду, Шелленберг, – скривил рот в презрительной усмешке Шепетов. – Я ведь знаю о том, что ваш фюрер подписал не менее ужасный «Приказ о комиссарах», и думаю, ваши концлагеря куда более страшны для меня, русского генерала, нежели советские. К тому же общее обращение немцев с русским гражданским населением и военнопленными способно привести только к катастрофическим последствиям.

– Да, но в этом целиком и полностью виноват ваш Сталин, отказавшийся подписать конвенцию о военнопленных. В наших лагерях американские и английские военнопленные,

даже черномазые, чувствуют себя довольно комфортно. И еще, не надо забывать, генерал, что обе стороны прибегают ко все более жестоким и беспощадным методам ведения войны. Если посмотреть на партизанскую войну, которую вы ведете, непредвзято, то вряд ли можно утверждать, что русские неповинны в таких же зверствах, что и немцы. Возможно, они даже превзошли немцев в своей жестокости.

Шепетов несколько раз облизал языком пересохшие губы. Шелленберг заметил это и нажал на кнопку звонка, находившуюся под крышкой его стола. Тут же дверь отворилась, и на пороге появился дежурный офицер.

– Штурмбаннфюрер, принесите, пожалуйста, бутылку хорошего вина и два бокала.

– Слушаюсь, бригаденфюрер.

– Надеюсь, от вина господин генерал не откажется? – Шелленберг вопросительно посмотрел на Шепетова.

Шепетов усмехнулся.

– Я бы не отказался и от водки, но откуда у немцев возьмется водка?

– Вы о немцах плохо думаете, генерал, – в ответ улыбнулся Шелленберг. – У нас есть все! Но мы – прагматики и гурманы, если хотите. Мы сначала оцениваем вкус вина, а потом уже и позволяем себе расслабиться более крепкими напитками.

Вернулся дежурный офицер, неся на подносе открытую бутылку «Токайского» и два бокала. Поставив поднос на стол, штурмбаннфюрер разлил вино по бокалам, щелкнул каблучками и удалился. Шелленберг взял по бокалу в каждую руку и подошел к Шепетову.

– Прошу вас, генерал.

Шепетов взял один из бокалов и тут же, залпом, опустошил его.

– Извините, генерал. Во рту пересохло.

– Ничего, ничего! Я вам еще налью.

Шелленберг поднес бутылку к бокалу Шепетова и наполовину заполнил его. На сей раз Шепетов едва пригубил и поднял глаза на Шелленберга. Тот подошел к стоявшему рядом с диваном такому же кожаному креслу и сел, закинув ногу на ногу, изредка потягивая из бокала вино.

– Я полагаю, теперь мы сможем продолжить нашу беседу, – Шелленберг пытался быть как можно любезнее. – И поверьте мне, я совершенно искренне желаю вам помочь обрести свободу.

– Свободу какую? Свободу прислуживать вам?

– Отнюдь нет! Такие специалисты, как вы, поверьте, нужны и немецкой армии.

– Никогда русский человек добровольно не пойдет на службу в германскую армию. – Шепетов сделал еще один небольшой глоток вина. – Если вы знаете историю, господин генерал, то вы, вероятно, осведомлены о том, что немецкие войска, начиная от тевтонцев и кончая кайзером Вильгельмом, ни разу не смогли победить русскую армию. Вам, немцам, никогда не удастся покорить русский народ и завладеть огромными просторами России.

– Да, но тем не менее именно к Германии чаще всего обращались взоры российских правителей, когда нужно было навести порядок в стране и покончить с вашим пресловутым русским хаосом. К тому же в России есть очень много народов, которые с удовольствием предпочитают немецкий порядок русской безалаберности.

– Не заблуждайтесь, господин генерал. Утверждения вашей пропаганды о том, что русские люди – недочеловеки, поверьте мне, не прибавляют Германии симпатий в нашей стране.

– Вы не зря употребили слово «пропаганда», генерал. Ведь на войне так трудно провести четкую грань между моральным и аморальным. Я убежден, что белорусы, украинцы, грузины, туркмены и представители других национальных меньшинств воспримут эти лозунги должным образом. Именно как пропаганду военного времени.

– Даже если вам и удастся дать различным народам Советского Союза независимость, это будет только временный эпизод в неотвратимом движении к коммунизму. – Шепетов допил вино и поставил бокал на пол рядом с собой. – Знаете ли вы, что сейчас в Советском Союзе поднимается новая волна патриотизма? В московских театрах снова идут, и с большим успехом, такие спектакли, как «Кутузов», «Иван Сусанин» и «Князь Игорь». Во всех этих пьесах, если вы не знаете, захватчик, добившийся вначале больших успехов, в конце концов оказывается побежденным благодаря безграничной доблести русского народа и огромным просторам России.

– Да, но во всех этих эпизодах русский народ вел за собой русский вождь. Не так ли? – не сдавался Шелленберг, поигрывая в руках бокалом с недопитым вином. – А кто сейчас стоит во главе России? Грузин!

– И грузин, и русский, и молдаванин – все мы советские люди. К тому же выдающиеся организаторские качества товарища Сталина сплотили в едином Отечестве людей сотен национальностей. А подкрепляет это сплочение необычайная мощь Красной Армии.

– Почему же мощь Красной Армии никак не может остановить победоносное шествие доблестной германской армии?

– Если помните, Наполеон тоже победоносно шествовал до самой Москвы, а потом был вышвырнут не только из пределов России, но и из самой Франции. Могу вам по секрету, генерал, поведать о некоторых разговорах, ходивших в Генштабе Красной Армии.

– Сделайте одолжение. – Шелленберг тут же оживился и напрягся.

Заметив это, Шепетов усмехнулся.

– Мне кажется, это не совсем то, что бы вы хотели услышать.

– А откуда вы знаете, что бы я хотел услышать?

– Ну что ж, извольте. Так вот! Наши руководители говорили о том, что Сталин готов принести в жертву двадцать или даже тридцать миллионов людей, лишь бы заставить противника глубже втянуться в пределы страны. Когда же наступательный порыв немцев в связи с этим постепенно выдохнется, то последние решающие битвы развернутся на избранных нами рубежах, в обстановке суровой зимы. Одно лишь обеспечение коммуникаций отвлечет значительную часть материальных ресурсов немцев, не говоря о том, что они будут весьма уязвимы для действий партизан. Есть приказ товарища Сталина при отступлении ни в коем случае не допускать, чтобы хоть одна фабрика, станок или даже бак с горючим попали в руки противника. И вот тут-то на немцев, упоенных успехами, ослабленных борьбой со стихией и нашими контрмерами, внезапно обрушится новое, хорошо организованное наступление... Ну что, генерал, будете и дальше вести со мной воспитательные беседы?

Шелленберг встал, поставил на стол бокал, начал ходить по кабинету, скрестив руки на груди. Сел за стол, нажал на кнопку звонка. Вошел оберштурмбаннфюрер Грейфе.

– Прикажите отвести пленного в его камеру.

Грейфе выглянул в приемную и жестом руки подозвал двух дебелих конвоиров-шарфюреров.

– Уведите пленного! – скомандовал Грейфе.

Генерал Шепетов поднялся, посмотрел в сторону Шелленберга. Их взгляды на какое-то время пересеклись. Оба, казалось, поняли друг друга окончательно. Затем Шепетов слегка кивнул головой, прощаясь, и твердым шагом вышел из кабинета бригаденфюрера. Когда за ним закрылась дверь, оберштурмбаннфюрер вопросительно посмотрел на своего начальника. Шелленберг еще некоторое время молчал, листая папку с делом Шепетова. Затем резко захлопнул ее и поднял глаза на начальника Восточного отдела.

– В концлагерь его. В Заксенхаузен! И никаких поблажек! Пусть там сгниет!

– Слушаюсь, господин бригаденфюрер.

В 1943 году Иван Михайлович Шепетов казнен фашистами за попытку побега из конц-лагеря.

Глава вторая

1

Сентябрь 1943 года. Разведывательная школа абвера в Брайтенфурте, близ Вены, разместилась в средневековом замке. Канарис любил сюда приезжать. Здесь он не только избавлялся от берлинского глаза, но и отдыхал душой и телом.

Адмирал вместе со своим адъютантом сошел на землю по трапу и выслушал доклад встречавшего его прямо на взлетной полосе начальника школы в чине полковника сухопутных войск.

Выслушав доклад, Канарис приказал:

– Полковник, я хотел бы сразу осмотреть вашу школу.

– Может быть, сначала пообедаете и отдохнете, адмирал?

– Я прилетел сюда из Берлина не для того, чтобы отдыхать, полковник. Обстановка на Восточном фронте не располагает для отдыха. Необходимо форсировать подготовку диверсантов и в ближайшие недели включить выпускников школы в строй действующих разведывательных резидентур.

– Да, адмирал! – Начальник школы вытягивается по стойке «смирно». – Тогда прошу за мной.

Полковник ведет адмирала к зданию школы. По дороге им встречаются преподаватели и слушатели школы, мужчины и женщины, одетые в немецкую полевую форму. При виде высоких чинов все вытягиваются и отдают честь. Прошли через столовую, где готовился обед. Канарис лично продегустировал несколько блюд, поговорил с поварами. Пошли в казармы, на плац. Наконец, зашли в один из классов. На стенах его, помимо необходимой наглядной агитации, висели портреты вождей Третьего рейха, а также карикатуры на советских лидеров и социалистический строй.

Увидев вошедших, преподаватель скомандовал:

– Класс, встать! Смирно!

– Доложите состав и национальность обучающихся, – приказал Канарис преподавателю.

– В этой группе все офицеры Красной Армии, от лейтенанта до капитана. По национальности: два украинца, грузин, молдаванин, белорус, остальные русские.

– Комиссаров, коммунистов среди них нет?

– Никак нет, господин адмирал.

– Такой контингент у нас выделен в отдельную группу, господин адмирал, – резюмировал начальник школы.

– Очень хорошо!

Шеф абвера прошелся вдоль класса, внимательно вглядываясь в лицо каждого слушателя. Те стояли, не шелохнувшись, боясь лишний раз даже дохнуть. Канарис остановился рядом с одним из слушателей – выше среднего роста сухощавым, но широкоплечим блондином с зелеными глазами, благородными чертами лица и большим лоснящимся лбом, лет тридцати пяти. Канарис осматривал его с любопытством. Это был Таврин.

– Вы кто?

– Слушатель Политов, господин адмирал, – вытянулся в струнку Таврин. – Бывший капитан Красной Армии. Перешел на сторону Германии по идейным соображениям. Я – сын полковника российской императорской армии, расстрелянного большевиками в 1919 году.

– Когда он оказался в плену? – повернулся Канарис к начальнику школы.

Начальник школы открыл папку с личными делами слушателей, нашел нужное «дело».

– В мае 1942 года, господин адмирал.

Канарис оценивающе рассматривал Таврина около минуты и затем, не скрывая удивления, спросил:

– Почему же вы целый год сражались против армии фюрера, а не перешли на сторону вермахта сразу?

– Я не сразу попал на передовую, господин адмирал. Но в первом же бою я воспользовался благоприятными обстоятельствами и перешел линию фронта.

– Хорошо! – Канарис кивнул головой и похлопал Таврина по плечу. – Продолжайте занятие, капитан.

Адмирал покинул этот класс и сразу же направился в кабинет начальника школы. Идя по коридору, он пальцем поманил к себе полковника.

– Мне нужна характеристика на Политова.

Начальник школы на ходу открыл папку с досье.

– Агент Политов – капитан Красной Армии Таврин Петр Иванович. Характеризуется весьма положительно. Офицеры германской разведки особенно подчеркивают его инициативность, иезуитскую сноровку и прирожденный нюх провокатора. Окончил специальную разведывательную школу в Риге, откуда и переведен сюда. Сожительствует с Лидией Бобрик, обучавшейся в Риге же радистскому делу. Бобрик – личный агент бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга. На первом допросе после задержания он назвал себя начальником Туринской геолого-разведочной партии Петром Тавриным, 1909 года рождения, русским, уроженцем села Бобрик Нежинского района Черниговской области, призванным в армию в августе 1941 года, а в 42-м – ставшим кандидатом в члены ВКП(б). На самом деле это бывший инспектор Саратовского горсовета и вор-рецидивист Петр Иванович Шило. Впервые его арестовали в 1932 году, после того как проиграл в карты крупную сумму и возвратил долг похищенными деньгами. Перед войной за плечами было уже три судимости. Причем с интервалом в два года – 32-й, 34-й, 36-й годы. И три побега. Проживал под разными фамилиями на Украине, в Ташкенте, в Башкирии... Перед войной, работая заведующим нефтескладом на станции Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги, в очередной раз прихватил крупную сумму денег и бежал. По некоторым данным успел даже, опять же по подложным документам, устроиться следователем в прокуратуру г. Воронежа...

Положительными качествами, которые могут быть использованы в перспективе, следует считать: находчивость, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, ненависть к советскому строю, боязнь наказания за совершенные перед Советским государством преступления. Отрицательными качествами являются: алчность, карьеризм, полная беспринципность».

К досье было приложено письменное заявление Шило на имя немецкого командования, в котором он дал обязательство добросовестно служить новым хозяевам и даже просил назначить его на должность бургомистра одного из оккупированных городов.

Для немецкой разведки это и в самом деле была находка. Шило-Таврин подходил для выполнения задания по многим параметрам. Преступления, за совершение которых он должен был отбывать свои «срока», а главное, умение каждый раз уходить от ответственности, были как раз кстати, свидетельствовали об изворотливости ума и неординарности личности. Например, находясь после первой судимости в следственном изоляторе, Шило сколотил группу из сокамерников и организовал вместе с ними побег через лаз, проделанный в стене тюремной бани.

Вошли в кабинет начальника школы. Канарис сел за стол начальника, сам начальник и адъютант Канариса – к приставному столику.

– Как у него успехи в учебе?

– Просто блестящие, господин адмирал. Таврин не только хорошо учится, но еще и помог нам обезвредить группу заговорщиков, выдав гестапо имена руководителей и лиц, с которыми они общались.

– Очень хорошо! Даже очень хорошо. Распорядитесь, полковник, чтобы личное дело Таврина переправили в Берлин. И немедленно!

– Слушаюсь, господин адмирал.

– А что у нас с первой группой диверсантов?

– В ночь на 27 сентября в районе деревни Долшино Рязанской области будут сброшены два наших первых выпускника – Кедров и Сагайдачный, бывшие лейтенанты Красной Армии. Они будут снабжены двумя коротковолновыми агентурными рациями, деньгами в сумме двухсот тысяч рублей, личным оружием и фиктивными документами на собственные имена гражданского образца с указанием в них об освобождении от военной службы по состоянию здоровья.

– Каково задание группы? – поинтересовался адъютант Канариса, также в чине полковника.

– Их задание состоит из четырех частей. Во-первых, создать базу для разведывательной работы в городе Уральске или Сарапуле с предварительным заездом Кедрова в Москву для сбора сведений о работе авиапромышленности. У него там остались родственники. Во-вторых, установить заводы авиационной промышленности и предприятия, связанные с выпуском самолетов, выяснить типы самолетов и авиамооторов, создаваемых этими предприятиями. В-третьих, собирать сведения о формировании и дислокации частей Красной Армии и аэродромах, о передвижении воинских грузов по железным дорогам. В-четвертых, выяснить количество и типы вооружения, прибывающего из США и Англии по ленд-лизу.

– И это все? – удивился Канарис.

– Так точно.

– Плохо, очень плохо, полковник! – нервно произнес начальник абвера. – Вы забываете о самом главном. Каждой группе, высадившейся в тылу врага, необходимо выявлять политико-моральное состояние личного состава частей Красной Армии и рабочих промышленных предприятий. От этого зависит и конечный успех нашей армии. Помните об этом, полковник.

– Да, господин адмирал. – Начальник школы тут же записал к себе в блокнот указание Канариса.

2

Декабрь 1942 года.

Средневековый замок возле Падеборна в Вестфалии, где располагается штаб-квартира СС «Вебельсберг». Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в последнее время предпочитал Падеборн Берлину, однако, к сожалению, он мог здесь бывать не так часто – Гитлер не любил частых отлучек своих ближайших соратников.

Генрих Гиммлер вызвал к себе на доклад Вальтера Шелленберга, которого не без оснований считал одной из своих самых лучших находок. Молодой, но весьма ушлый бригаденфюрер быстро вошел в доверие к самому Гитлеру, и сейчас Гиммлер не боялся поручать ему самые сложные дела. Впрочем, и Шелленберг платил Гиммлеру взаимностью. Подтянутый Шелленберг с папкой в руке вошел в кабинет рейхсфюрера и сел напротив него, у приставного стола.

Шелленберг доложил Гиммлеру о своих последних делах. Гиммлер молча слушал, не перебивая. Закончив доклад, Шелленберг замолчал и посмотрел в лицо Гиммлеру. Почти постоянно бегающие глаза последнего на сей раз на какое-то время застыли на одном месте.

– Вы же знаете, Вальтер, как я к вам отношусь? – после некоторой паузы, без обиняков спросил тот.

– Да, господин рейхсфюрер, – Шелленберг покорно склонил голову.

– Я постоянно и совершенно искренне заступаюсь за вас перед фюрером и защищаю от нападок вашего непосредственного шефа, сначала Гейдриха, а сейчас и Кальтенбруннера. Но в ответ я также хочу, чтобы вы были со мной искренни до конца.

– Видит бог, господин рейхсфюрер, я никогда ничего от вас не скрывал и не скрываю.

– Вот и хорошо. Помните слова фюрера: «Мы должны покончить с русскими, пока за это не взялись другие»?

Шелленберг утвердительно кивнул головой, выдержав на себе долгий взгляд Гиммлера.

– Тогда я хотел бы точно знать, почему донесения нашей разведки о России оказываются настолько несостоятельными. Фюрер недоволен результатами добывания разведывательной информации о положении в России и решительно настаивает на приведении внешнеполитической разведки в соответствие с требованиями войны.

– Господин рейхсфюрер, вы требуете от меня искренности, – Шелленберг был даже рад этому вопросу. Он давно хотел поделиться своими сокровенными мыслями с рейхсфюрером, но у того все не находилось времени на это. – Так вот я искренне отвечаю на ваш вопрос: потому что деятельность нашей разведки не развернута в таких масштабах, каких требует обстановка на фронте. Основной причиной этого является ограниченность наших возможностей в отношении оснащения и личного состава. Те несколько сотен людей, имеющих в моем распоряжении, совершенно ничего не значат на фоне задачи подготовки огромного числа иностранцев, лингвистов и специалистов и серьезных нехваток технического оборудования. Подготовительные мероприятия и раньше не развертывались в достаточных масштабах, а наверстать то, что было упущено за несколько лет, сейчас и вовсе невозможно. Для борьбы с таким великаном, как Россия, необходима разветвленная агентурная сеть. Каналы связи, которые нам удалось проложить через Швецию, Финляндию, Балканы и Турцию, действуют неплохо, но их явно недостаточно для того, чтобы можно было гарантировать поступление достоверной информации, необходимой для составления общих обзоров обстановки, представляемых политическому и военному руководству страны. Да и находящиеся в России и других странах немецкие эмигранты, с которыми мы поддерживаем контакты, сообщают всего лишь разрозненные сведения и не в состоянии дать исчерпывающие данные, необходимые для перспективного планирования. О трудностях же разведки в ближнем тылу русских я докладывал вам и еще Гейдриху неоднократно. Сейчас, пользуясь случаем, хочу вам пожаловаться на своего нынешнего шефа.

Шелленберг посмотрел на Гиммлера. Тот кивнул и, сняв пенсне, начал протирать стекла. Шелленберг продолжал:

– Помимо того, что наш штат и так недостаточен как в количественном, так и в качественном отношении, так еще поступающие сверху непродуманные и противоречивые приказы усложняют процесс непрерывного совершенствования разведывательной работы. С другой стороны, следует принять во внимание, что мы постоянно сталкиваемся с детально разработанными и беспощадными ответными контрразведывательными акциями русской тайной полиции.

Гиммлер снова надел пенсне и минуту побарабанил кончиками пальцев по столу.

– Как идет операция «Цеппелин»? – прервал ход мыслей Шелленберга Гиммлер.

– Операцией «Цеппелин» занимается Второй отдел моего управления. В данный момент мы готовим массовую выброску групп военнопленных на парашютах в глубокий тыл русских. Нужно сказать, что они находятся на одинаковом положении с немецкими солдатами и носят форму вермахта, получают прекрасное питание и хорошо расквартированы. Для них организовываются демонстрации пропагандистских фильмов и поездки по Германии.

– Не слишком ли вы их балуете, бригаденфюрер? Где гарантия того, что они потом будут работать на нас, а не перебегут к русским, едва оказавшись за линией фронта?

– Пока они готовятся, рейхсфюрер, те, кто несет ответственность за их подготовку, имеют возможность при содействии осведомителей выявить их истинное лицо.

– Предположим. Дальше!

– Для выполнения плана по борьбе с русскими партизанами я сформировал в рамках операции три группы: южная, центральная и северная. В задачу этих групп входят диверсии, политическая подрывная работа, сбор информации, установление контактов с немецкими эмигрантскими кругами в России. Мы планируем перебрасывать их по всей линии Восточного фронта специально выделенными подразделениями люфтваффе, для чего мне нужно ваше содействие, рейхсфюрер.

Гиммлер утвердительно кивнул, начав грызть ноготь большого пальца левой руки.

– Основным средством связи для этих групп будут служить агенты-связники, засылаемые через линию фронта, и тайные радиопередатчики.

Шелленберг немного помолчал, давая возможность Гиммлеру переварить сказанное, затем снова поднял глаза на рейхсфюрера.

– Рейхсфюрер, разрешите мне несколько отвлечься от операции «Цеппелин» и доложить вам о некоторых моих умозаключениях по поводу партизанской войны?

Гиммлер на секунду перестал грызть ногти, выставил вперед свой короткий подбородок и внимательно посмотрел на Шелленберга, затем улыбнулся и кивнул.

– Я готов выслушать вас, Шелленберг, если это не отнимет у меня слишком много времени.

– Постараюсь быть кратким... Я докладывал эти свои соображения Гейдриху, но вы же знаете его отношение ко мне и моим идеям. Он даже как следует не выслушивал меня.

– Переходите к делу, Шелленберг, – Гиммлер начинал сердиться. Он предполагал, что Шелленберг снова вернется к началу сегодняшнего разговора.

– Да, рейхсфюрер, – виновато кивнул головой Шелленберг. – Так вот, я считаю, что любая партизанская война, любое растущее и активное движение сопротивления могут развиваться в широких масштабах лишь при наличии идеи или идеала, объединяющих партизан или участников движения сопротивления. Эта идея должна быть достаточно сильной для того, чтобы постоянно возбуждать энергию и решимость борцов. Конечно, необходимым условием для организации систематической партизанской войны являются боевая подготовка и высокое качество руководства, однако моральное состояние отдельно взятых бойцов является решающим фактором. Я лично интересовался всем этим, проведя несколько ночей за беседой с

русскими офицерами и русскими агентами из института в Ванзее. Для меня стало ясно, что Сталин и другие русские вожди, используя партизанские части, систематически развивают ту форму войны, основой которой является ожесточенность, свойственная обоим воюющим сторонам. Русские пользуются жестокостью, с которой мы, немцы, ведем войну, в качестве идеологической основы действий партизан. Мои русские консультанты полагают, что Сталин фактически приветствует подобные немецкие мероприятия, и донесения, в достоверности которых я не сомневаюсь, подтверждают эту теорию. Вот, пожалуйста. – Шелленберг порылся в своей папке и тут же вынул нужный документ. – В одном из донесений говорится, что основной задачей партизанской борьбы является беспощадность сама по себе. Оправданными считаются любые меры, которые могли бы заставить население поддерживать эту борьбу. Совершавшиеся жестокости следует приписывать немецким захватчикам, чтобы тем самым заставить колеблющееся население включиться в активное сопротивление.

Шелленберг снова открыл свою черную кожаную папку со свастикой и положил перед Гиммлером несколько листов бумаги. Тот бегло пробежал по ним и отодвинул на край стола.

– Я не верю, что у русских вождей было достаточно времени или способностей для разработки столь сложных и дьявольских идей.

– Мои взгляды основываются на поступивших донесениях, рейхсфюрер, а также на мнении компетентных людей. Кроме того, русские вожди, по-видимому, гораздо лучше знают свой народ, чем мы, введенные в заблуждение собственной пропагандой о русском «недочеловеке».

Гиммлер вспыхнул, вскочил на ноги и нервно несколько раз прошелся по кабинету. Шелленберг тоже тут же встал и вытянулся в струнку.

– Смотрите, как бы Сталин не наградил вас медалью! – крикнул, не сдержавшись, Гиммлер. – Я гарантирую вам серьезные неприятности, Шелленберг, если вы будете продолжать отстаивать такие свои взгляды. Идите и крепко подумайте, хотите ли вы и дальше служить фюреру. А нагоняй по партийной линии я вам обещаю.

Шелленберг щелкнул каблуками, кивнул головой, выбросил руку вперед в нацистском приветствии и вышел.

3

29 мая 1942 года.

Подо Ржевом шли упорные бои. Ржевско-Вяземский выступ в обороне немецких войск, образовавшийся в ходе наступления советских войск в январе – апреле 1942 г. на западном направлении на 160 км в глубину и на 200 км по фронту, врезался в немецкие позиции. Именно этот мозоль и мешал гитлеровцам сделать новый рывок на Москву. Здесь было сосредоточено до двух третей войск группы армий «Центр». И немецкие войска прилагали все усилия для того, чтобы выровнять линию фронта, но Красная Армия уперлась. Советские войска воевали тогда с искренним самопожертвованием.

Короткая передышка между боями. Вдалеке слышны раскаты взрывов и короткие перебивания пулеметчиков. В небе кружились самолеты. В расположение 1196-го полка 369-й стрелковой дивизии, удерживающего свои позиции, прибыло пополнение – несколько бойцов и сержантов пришло в изрядно поредевшую роту капитана Ускова. Сам капитан крепко пожал руку каждому прибывшему. В завершение сказал:

– Располагайтесь, товарищи, в землянках. Получите оружие и знакомьтесь с личным составом роты, с вашими новыми товарищами. Имейте в виду – много времени у вас не будет. Не сегодня завтра фашисты снова пойдут на наши позиции.

Новички разошлись. «Старики» сначала с недоверием отнеслись к ним, затем стали по одному приглашать в свои землянки. Некоторые собрались в круг и травили анекдоты и веселые истории. Кто-то отдыхал, лежа прямо на земле, на дне окопа, вытянув ноги и подложив под голову вещмешок. Дремал на дне окопа и сержант Таврин. Ему предстояло в ночь идти в разведку с группой бойцов. Он считался одним из лучших разведчиков в полку. Вновь прибывший сержант, пробираясь к назначенной ему землянке, не заметил лежавшего Таврина и наступил ему на ногу. Тот ойкнул и поднял голову.

– Извини, земляк, не заметил тебя, – сержант похлопал Таврина по плечу.

Взгляды их пересеклись, и оба вздрогнули. Они, кажется, узнали друг друга. Впрочем, Таврин быстро взял себя в руки и, отворачиваясь от сержанта, стал устраиваться на боку.

– Мне в ночь идти в разведку, понимаешь, – позевывая, произнес Таврин. – Вот и решил прикорнуть, пока тихо.

– И это правильно. Еще раз извини.

Сержант, переступив через Таврина, в задумчивости пошел к своей землянке. Но перед входом в нее остановился, почесывая затылок. Постояв немного, обернулся, пытаясь всмотреться в лежавшего на земле Таврина. Однако тот скрылся из его поля зрения. Сержант повертел головой: Таврин, словно видение какое, куда-то исчез.

– О чем задумался, сержант? – Старшина роты Кузьменко тихо подошел к сержанту сзади. – Много думать вредно, обеда не достанется.

Старшина толкнул сержанта в бок, протягивая тому котелок с дымящейся кашей.

– Спасибо, старшина, – сержант взял котелок, но глазами продолжал шарить по позиции. – Я и правда давно не ел.

Доев кашу, сержант направился к полевой кухне за кипятком и рядом с котлом снова увидел Таврина. Тот стоял к нему боком и, пожалуй, не видел его, поскольку доедал кашу и одновременно беседовал с кем-то из бойцов. И тут перед сержантом всплыли картины десятилетней давности.

Чирков жил в Саратове и работал инженером в саратовском Стройтресте. И вдруг всех служащих треста срочно созвали на собрание – на повестке дня был один-единственный вопрос: обсуждение и осуждение поступка бухгалтера Саратовского Стройтреста Петра Ивановича Шилов, растратившего 1300 рублей государственных денег. Вот тогда Чирков впервые

и увидел самого Шило, никогда прежде с ним не пересекавшегося. Шило ему тогда показался жалким, до конца униженным общественным собранием человеком. Он плакал, юлил, клялся вернуть эти деньги.

– Куда же вы потратили такую сумму? – строго спросил секретарь парткома Стройтреста.

– В карты проиграл, – после некоторого раздумья, с тяжелым вздохом произнес Шило. – Но клянусь вам, я верну деньги. Все до копейки.

– На твое счастье, товарищ Шило, ты не являешься членом партии, – снова сказал секретарь парткома. В противном случае ты бы уже здесь, на собрании, положил бы на стол свой партбилет.

Шило и в самом деле вернул казенные деньги, но... при этом ограбив ювелирный магазин. Милиция раскрыла преступление всего лишь через неделю. Разумеется, Шило арестовали и поместили в саратовскую тюрьму. Следствие длилось недолго, да и Шило признался в совершенном преступлении. Дело было передано в суд, но до суда так и не дошло, так как Шило умудрился сбежать – тогда весь Саратов шумел по этому поводу. Шило вместе с напарниками-сокамерниками удалось разобрать часть стены в тюремной бане, откуда они потом все и сбежали.

Убедившись, что он не ошибся, и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания Таврина, сержант Чирков решительно направился к блиндажу командира роты. У входа в блиндаж его остановил часовой.

– Стой, куда!

– Мне нужно переговорить с капитаном.

– Всем нужно переговорить, но товарищ капитан занят.

– Слушай, ефрейтор, – сержант вплотную подошел к часовому и чуть ли не зашептал ему в ухо: – У меня действительно очень важное дело. Можно сказать, государственной важности.

– У вас у всех после обеда появляются дела государственной важности. Ты уже поел?

– Конечно, поел.

– Ну вот, видишь, – улыбнулся часовой. – А товарищ капитан еще не пообедал.

– Вы комсомолец, товарищ ефрейтор? – Терпение у сержанта заканчивалось, он боялся, что перепалка с часовым привлечет к ним ненужное внимание.

– А хоть бы и комсомолец. Какое отношение это имеет к моим нынешним обязанностям?

Часовой повысил голос. Сержант оглянулся вокруг, он боялся спугнуть Таврина, и хотел было уже повернуть назад, но в этот момент в дверном отверстии блиндажа появилось усталое, но спокойное лицо ротного.

– В чем дело, Рашидов?

– Вот, товарищ капитан, – ефрейтор указал автоматом на сержанта. – Говорит, что у него к вам дело государственной важности.

– Товарищ капитан, сержант Чирков. Разрешите обратиться! – сержант взял под козырек.

Ротный задержал взгляд на сержанте, словно бы определяя, правда ли у него дело государственной важности.

– Ну, пойдем, а то у меня чай простынет.

Капитан махнул рукой и исчез в блиндаже. Следом вошел сержант. Привыкнув к полутьме блиндажа, сержант заметил за столом, помимо капитана, еще и политрука роты.

– Ну, что у тебя там?

– Товарищ капитан, я, конечно, пока еще здесь человек новый. Только прибыл. Но мне показался странно знакомым один из ваших бойцов, которого я знаю не с лучшей стороны.

– Показался, или на самом деле знакомый? – поинтересовался политрук.

– Кажется, все-таки на самом деле.

– Кто такой и что за не лучшая сторона вашего с ним знакомства? – глотая горячий чай, спросил капитан.

– Шило.

– Где? – ротный, едва не пролив на себя кипяток, вскочил с табурета.

– Да нет, товарищ капитан, – успокоил командира сержант. – Фамилия этого бойца Шило.

– У нас нет бойца с такой фамилией, – политрук удивленно посмотрел на капитана Ускова. – Какое у него звание?

– По крайней мере, я видел его в форме рядового.

– Но в моей роте действительно нет бойца с фамилией Шило, – подтвердил сомнения политрука капитан.

– Но я знаю его именно под этой фамилией.

– Покажи мне его! – ротный решительно поднялся и направился к выходу.

– Но только чтобы он вас не видел, – вслед за командиром встал и политрук.

– Само собой, Егор.

Сержант с капитаном вышли из блиндажа. Чирков дважды обвел глазами бойцов и, не найдя старого знакомого, пожал плечами.

– Возьми бинокль, сержант.

Взяв бинокль из рук капитана, Чирков снова обвел глазами всю роту. Наконец остановился и отнял глаза от окуляра, передавая бинокль капитану.

– Вон тот, товарищ капитан. У дерева. Рядовой.

Командир роты приставил бинокль к глазам.

– Таврин. Петр, – ротный опустил бинокль и растерянно оглянулся на политрука. – До сих пор ничего странного я за ним не наблюдал. К тому же он один из лучших наших разведчиков. За одну операцию награжден орденом Боевого Красного Знамени.

– Он очень хитер и коварен, товарищ капитан, – упорствовал сержант.

– Ну-ка, пойдем назад, в блиндаж, и все по порядку доложишь, – Усков повесил бинокль на грудь и развернулся на сто восемьдесят градусов. – Рашидов, ко мне никого не пускать!

– Есть, товарищ капитан!

– Сержант Таврина опознал, – обратился ротный к политруку.

Тот кивнул и жестом указал Чиркову на свободный табурет.

– Садитесь, товарищ сержант, и расскажите нам все, что вы знаете о Таврине.

– Я этого... человека знаю, как Петра Ивановича Шило. – Сержант поправил пилотку и сел. – Я еще в 1932 году работал в стройтресте в Саратове. Инженером. Так вот Петр Иванович Шило работал там бухгалтером. И был арестован, насколько я знаю, за растрату крупной суммы государственных денег. Получил большой срок... Вот, собственно, и все, что я знаю. Конечно, может, он и отсидел ему положенное и снова стал честным человеком. Но, как мне кажется, честный человек не стал бы скрываться под чужой фамилией.

– Вам правильно кажется, товарищ Чирков. – Политрук встал и сделал несколько шагов по блиндажу. – Вы комсомолец?

– Я член партии с 1939 года.

– Я благодарю вас, коммунист Чирков. Вы можете быть свободны.

– Только одна просьба, сержант, – притормозил собравшегося было выходить сержанта капитан. – О том, что вы нам только что рассказали, никому ни слова.

– Я прекрасно все понимаю, товарищи. Я даже постараюсь не попадаться на глаза этому Шило-Таврину.

– А за это вы вдвойне молодец. – Ротный протянул сержанту руку для прощания.

Сержант козырнул и, пожав руку еще и политруку, вышел из блиндажа. Политрук с ротным переглянулись.

– Что будем делать, Егор?

– Нужно немедленно сообщить в Особый отдел, – решительно произнес политрук.

– Да, но Таврин сегодня в ночь должен идти в разведку.

– А вот это даже еще лучше. Пусть думает, что мы ничего о нем не знаем.

– Ты прав, – немного подумав, согласился капитан. – А особысты за это время проверят данные о нем. Ведь в жизни мало ли что бывает. Может, и обознался Чирков.

4

Начальник Особого отдела полка майор Смирнов, выслушав капитана Ускова, немедленно связался с органами НКВД с просьбой поднять архивы и проверить данные о Таврине-Шило. Получив необходимые сведения, отправился на доклад к командиру полка.

– Этому сержанту, который узнал бандита, медаль давать нужно.

– Будь моя воля – дал бы, – согласился с особистом комполка. – Но сейчас главное – не спугнуть его прежде времени... А что, действительно опасный преступник?

– Вор-рецидивист. Причем живущий сейчас под чужой фамилией.

– Я вас слушаю, Иван Петрович.

Особист Смирнов положил перед собой планшет и вынул оттуда сложенные вдвое листы, исписанные крупным почерком. Надев на нос очки, стал читать:

«Таврин, он же Шило Петр Иванович, 1909 года рождения, уроженец села Бобрик Нежинского района Черниговской области Украинской ССР, русский. Отец – кулак, расстрелянный красноармейцами в 1918 году. В 1931 году Шило, скрыв свое социальное происхождение, устроился работать бухгалтером в строительный трест города Саратов. В 1932 году арестован за растрату крупной суммы государственных денег, но из-под стражи бежал. Впрочем, на свободе пробыл недолго. Проживал он под разными фамилиями на Украине, в Ташкенте, в Башкирии...

В 1934 году снова попал за решетку и снова за растрату денег. И опять ему удалось удачно бежать из мест лишения свободы. В 1936 году его осудили в третий раз по все той же статье – за растрату. И снова – побег. Перед войной, работая заведующим нефтескладом на станции Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги, в очередной раз прихватил крупную сумму денег и бежал...»

– Хм! – недоумевающе покачал головой комполка. – Только враги народа или диверсанты могли принимать на работу такого закоренелого преступника. Тем более, насколько я понимаю, он все время действовал под своей настоящей фамилией?

– Совершенно верно! Только в 1939 году Шило по фиктивным справкам получил совершенно чистые документы на имя Петра Ивановича Таврина. Объявленного во всесоюзный розыск рецидивиста и беглого заключенного Шило больше не существовало. Под этой же, новой, фамилией его осенью 1941 года призвали в армию.

– Более того, совсем недавно мы его приняли кандидатом в члены ВКП(б), – сокрушенно покачал головой подполковник. – У меня будет разговор на эту тему с полковым комиссаром.

– Мне доложили, что Шило-Таврин в эту ночь должен идти в разведку. Я предлагаю, пока его не трогать, но командиру разведотряда строго приказать следить за каждым движением преступника.

– А завтра утром, тотчас же по возвращении из разведки он должен немедленно явиться в Особый отдел дивизии, – подкорректировал командира полка майор Смирнов. – Вот только как бы он чего не предпринял за эту ночь? Я бы все-таки его задержал уже сейчас.

– Да не успеет он ничего предпринять, – спокойно произнес комполка. – Бойцы уходят в разведку, – посмотрел на часы, – через двадцать пять минут. С другой стороны, не так много в роте Ускова опытных бойцов, чтобы можно было безболезненно кого-то из них заменить. Ведь скажу откровенно, я долго беседовал с ротным, и он уверял меня, что до сих пор никаких замечаний и странностей за Тавриным не числилось. Может, перевоспитался? Все-таки война меняет характеры людей.

– А может, притаился?

Особист Смирнов вышел из крестьянского дома, где расположился штаб полка, и направился к себе. Навстречу ему быстро шел вестовой. Остановившись метрах в двух от особиста, вестовой приложил руку к козырьку.

- Товарищ майор, разрешите доложить.
- Что у вас, ефрейтор? – не останавливаясь, спросил Смирнов.
- По вашему приказу задержан красноармеец Ермолов.
- Где он? – тут же оживился майор.
- Дождается в Особом отделе.

Смирнов ускорил шаг и вскоре вошел в избу, отданную Особому отделу полка. В небе загудели самолеты, тут же заработали зенитчики. Увидев своего начальника, вытянулся по стойке «смирно» его заместитель, капитан Васильев. Махнув рукой, Смирнов прошел в свою комнату, и туда тут же ввели бледного, со следами побоев на лице, без ремня и в гимнастерке на выпуск рядового красноармейца.

Особист сел за стол, вытащил из планшета мятый листок бумаги, стал читать:

- «Дорогая Надя и детки!

Сообщаю, что я жив и здоров. Наконец появилось свободное время, когда могу сесть и написать вам, мои дорогие, письмо.

Обстановка на фронте стала улучшаться. Наконец-то проявился просвет. Мы начали выходить из окружения, образовавшегося в форме бутылки, горлышко которой выходило к Новгороду... В батальонах потери исключительно велики и ничем не оправданы. Исключительно наши неудачи объяснить можно тем, что у нас на передовых позициях мы не видим ни одного нашего самолета, ни одного нашего танка, а у немцев самолетов – как рой пчел, танков не сосчитать. Разве можно устоять перед такой техникой врага?..

Командование наше стоит не на должной высоте, оно первое бросается в панику, оставляя бойцов на произвол судьбы. Относятся же они к бойцам, как к скоту, не признавая их за людей, отсюда и отсутствие авторитета их среди бойцов...»

Смирнов оторвал глаза от письма и оценивающе посмотрел на невысокого красноармейца.

- Подойди сюда! – приказал он Ермолову.

Красноармеец осторожно подошел к столу, часто моргая глазами. Особист протянул ему навстречу руку, в которой был зажат листок с письмом.

- Ты писал?

Красноармеец, вытягивая шею, всматривается, начинает шевелить губами.

- Мое письмо, – кивнул головой Ермолов.

– Что же ты, сука, своих родных обманываешь? Ты что, близорукий? Не видишь ни наших танков, ни наших самолетов?

- Я писал правду, – опустив голову, произнес рядовой.

– Ты – паникер и предатель! – неожиданно закричал Смирнов. – Тебе не нравятся твои командиры?

– Я писал только своей жене и детям, – упрямо твердил свое Егоров. – Они должны знать правду.

Особист вышел из-за стола, подошел вплотную к красноармейцу.

- С кем еще ты беседовал на эти темы?

– Ни с кем. Даже о том, что я написал такое письмо, не знал никто... – Рядовой исподлобья взглянул на майора, – кроме вас.

Особист Смирнов ударил Ермолова наотмашь кулаком по лицу и закричал:

- Врешь, сволочь! Я тебя под трибунал отдам, знаешь ли ты это?

– Я ни с кем на эти темы не разговаривал, – с трудом удержавшись на ногах, снова ответил Ермолов.

Особист обошел вокруг Ермолова, сложив руки на груди, подошел к двери, открыл ее.

– Уведите арестованного!

Вошел часовой, сурово глянул на Ермолова. Тот послушно, заложив руки за спину, покинул комнату. Едва они ушли, заглянул капитан.

– Что с ним делать, Иван Петрович?

– Под трибунал! Статья 58, пункт 10 и расстрелять на хрен.

– Слушаюсь! – Капитан взял под козырек и выскочил наружу, догоняя часового.

5

30 мая группа из четверых бойцов роты Ускова во главе со старшиной Кузьменко покинула расположение части и исчезла в ночной мгле. Ночь была беззвездной, а значит, и вероятность попасться на глаза врагу уменьшалась. Перед выходом, капитан лично пожал каждому бойцу руку и похлопал по плечу.

– Личные документы все сдали?

– Так точно, товарищ капитан. Лично проверил, – заверил Кузьменко.

– Хорошо, Кузьменко. – Усков еще раз окинул взглядом бойцов, чуть дольше задержавшись на Таврине, обнял Кузьменко за плечи и отвел немного в сторону. – Глаз не спускай с Таврина.

– Вы же знаете, мне два раза приказывать не нужно, – так же тихо ответил старшина.

– Желаю успеха, товарищи! – капитан снова повернулся к разведчикам. – И главное, всем вернуться живыми и невредимыми. У нас еще с вами впереди бои за Берлин.

– Мы же все понимаем, товарищ капитан!.. Мы только туда и обратно!.. Не впервой!

Бойцы по одному уходили. Предпоследним шел Таврин. Пожимая ему руку, ротный слегка задержал его.

– Товарищ красноармеец, не знаю почему, но мне передали приказ, согласно которому вам нужно завтра утром, по возвращении с задания, срочно явиться в Особый отдел дивизии.

Таврин вздрогнул, но темнота скрыла его волнение. Как же сглупил Усков, предупредив его об этом. А может, капитан и хотел его предупредить?

– Какие вопросы, командир, – постарался улыбнуться Таврин. – Вернусь с задания и тут же лечу в штаб дивизии.

Усков, глядя ему в глаза, спросил:

– Не носил ли ты когда-либо фамилию Шило?

Таврин выдержал прямой взгляд ротного, ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Никак нет, товарищ капитан! Всю жизнь ношу фамилию Таврин, которой и горжусь.

– Ну, удачи! – Усков с облегчением выдохнул и хлопнул Таврина по плечу.

Таврин ускорил шаг, догоняя товарищей.

«Заложил все-таки, сука! – Таврин почувствовал себя загнанным волком. – Как же, дождетесь вы меня в вашем Особом отделе. Видимо, пора! Больше такого случая не будет».

Дозор медленно, но верно продвигался к линии фронта, находившейся в нескольких сотнях метров от их позиции. А оттуда и до Ржева, цели их задания – рукой подать. Таврин внимательно смотрел по сторонам. Угловым зрением видел, что старшина время от времени посматривает в его сторону. Но вот впереди послышалась немецкая речь. Разведчики напряглись.

– Ложись! – шепотом скомандовал старшина.

Все тут же залегли, сняв с предохранителя автоматы ППШ.

Таврин понял, что, если сейчас он не воспользуется представившейся возможностью, потом может быть поздно. Он стал медленно отползать назад, к заранее выбранному толстому дереву, росшему метрах в двадцати в стороне от залегших красноармейцев. Закинув автомат за спину, стараясь не дышать, Таврин все ближе и ближе подползал к намеченной цели. Товарищи не обращали на него никакого внимания, поскольку голоса немецких дозорных не удалялись, к тому же вдалеке показались фары двух ехавших мотоциклов. Поравнявшись с немецким дозором, мотоциклисты остановились. Переговорили накоротке. Уехали.

Таврин был уже за деревом. Поднялся, отряхнулся, поправил автомат и двинулся в том направлении, куда уехали мотоциклисты и откуда шел немецкий дозор. От своих однополчан он оторвался довольно далеко, чтобы не бояться их. Теперь самое главное – как лучше пре-

поднести себя немцам. Он задумался и вздрогнул от хрустнувшей под подошвой его сапога ветки. В этот же самый миг совсем рядом от него прозвучал окрик немецкого часового.

– Хальт!

Таврин от неожиданности даже присел, но тут же взял себя в руки и вышел из-за укрытия, подняв руки.

– Я сдаюсь! Их эрфангенгебен!

Часовой направил на Таврина луч довольно мощного фонарика. Яркий свет осветил Таврина снизу вверх. Когда луч света дошел до его лица, Таврин прикрыл глаза ладонями.

– Хенде хох!

– Так свет-то убери с глаз.

Таврин снова поднял руки вверх и тут же зажмурил заслезившиеся от яркого света глаза. Немец опустил луч на автомат ППШ, висевший на груди у Таврина.

– Ваффен! Лёз! Оружие! – командовал часовой.

– Пожалуйста, битте! – Таврин тотчас же снял с груди автомат, положил его на землю и ногой подтолкнул к немцу. – Я бы хотел поговорить с вашим офицером. Цу дойче офицер, битте.

Часовой, выставив в сторону Таврина свой автомат, осторожно наклонившись, поднял с земли автомат Таврина, повесил его себе на плечо. После этого почти вплотную приблизился к Таврину и ткнул в его грудь стволом автомата.

– Лёз! Шнелль!

Таврин пошел в указанном немцем направлении. Часовой на расстоянии вытянутой руки следовал за ним, изредка командуя: налево, направо, быстрее.

6

Таврин стоял навтыжку перед немецким капитаном, представляющим Особый отдел сухопутной дивизии, который сидел за столом и внимательно несколько минут изучал пленного. Его удивительно благородное лицо почему-то сразу стало симпатичным капитану. Он неосознанно даже залюбовался этим русским.

– Ваше имя, отчество, фамилия, – наконец спросил особист.

– Таврин Петр Иванович, 1909 года рождения. Капитан Красной Армии. Уходя в разведку, специально переоделся в форму рядового. Я сын полковника царской армии Российской империи, расстрелянного большевиками в 1918 году. Прошу заметить – добровольно сдался в плен со своим оружием. До войны работал начальником Туринской геолого-разведочной партии.

Возможно, это благородство в лице и является результатом его происхождения. Если, конечно, этот русский не врет – подумалось немцу.

– Значит, вы – сын полковника царской армии – воевали в рядах Красной Армии, расстрелявшей вашего отца?

– Я добровольно записался в Красную Армию, имея в виду далеко идущие планы перехода на сторону армии Третьего рейха.

– Как же вы намеревались перейти на сторону вермахта, стреляя при этом и, возможно, убивая его солдат?

– Никак нет, господин капитан. Ни разу я не применял свое оружие против немецких солдат.

– Но вы же ходили в бой?

– Так точно, ходил.

– Как же можно ходить в бой и не стрелять в противника?

– А я не высывался, – ухмыльнулся Таврин. – Отсиживался за спинами других. Я же, пусть и младший, но офицер. Да и стрелял всегда в воздух.

– И ваши особисты всегда относились к этому спокойно?

– Я по натуре очень хитрый человек, господин капитан. Если меня энкавэдэшники не смогли раскусить за двадцать пять лет советской власти, то уж один год я как-нибудь смог.

Капитан что-то записал в свою тетрадь и поставил, Таврин заметил это по движению руки, большой знак вопроса. Затем снова поднял голову и посмотрел в глаза пленному.

– Цель вашего перехода на сторону вермахта?

– Я ненавижу большевиков, ненавижу советскую власть. Они переломали всю мою жизнь. У меня даже семьи нет, родственников нет. Я – один на всем свете. И я хочу очистить Россию от всей этой коммунистической нечисти.

– Вы понимаете, что теперь вам пути назад нет?

– Отлично понимаю, господин капитан.

– И вы предпочтете немецкий лагерь для военнопленных, куда вас в любом случае направят сначала, возвращению на родину?

Таврин опустил голову, какое-то время стоял молча, затем заговорил несколько неуверенно:

– Я виноват, господин капитан. Я не всю правду вам сказал. Я четыре года отсидел за свое прошлое в большевистском концлагере, – Таврин поднял голову и поймал на себе цепкий взгляд немецкого капитана. – Поэтому, думаю, того, что я пережил там, ни одному другому концлагерю даже не снилось. Я уже ничего не боюсь. И уверяю вас, господин капитан, я еще смогу принести пользу Третьему рейху. Готов к любой работе.

Капитан нажал на кнопку звонка под крышкой стола, тут же появился часовой.

– Уведите пленного.

В середине июня Таврина переправили в Восточную Пруссию, где в средневековой Лётценской крепости был устроен лагерь для советских военнопленных. Уголовное прошлое Таврина, точнее, склонность к воровству и шулерству при игре в карты, и там сказалось. Однажды его поймали на воровстве – в бане вытащил из кармана одного из бывших офицеров деньги. Поскольку его поймали на месте преступления с поличным, Таврин лишь виновато улыбнулся:

– Простите, ребята! Я думал, что это папироски, уж очень покурить хочется.

– Еще раз что-нибудь стащишь – побьем! – пригрозили сразу трое военнопленных, в числе которых был и пострадавший.

Его все-таки побили, но не за воровство, а за шулерство при игре в карты, вырезанные одним из заключенных. Он затаил обиду, пожаловался капо-надзирателю. Капо предложил ему защиту за услугу. Но какая могла быть услуга в лагере? Естественно, стукачество и работа в качестве «подсадной утки». За это его перевели на легкую работу – набивать номера на жетоны военнопленных. Впрочем, и это длилось недолго – его застукали за тем, что он воровал в каптерке картошку и вермишель, а потом нагло поедал все это на глазах голодных товарищей. Его оттуда выгнали, но никак не наказали – немцы просто закрывали глаза на эти шалости Таврина – он отработывал свое другим.

В Лётцене Таврин познакомился с генералом Красной Армии, бывшим членом Военного Совета 32-й армии Жиленковым, будущим соратником генерала Власова и идеологом Русской освободительной армии.

В 1929 году 19-летний бывший воронежский мальчишка-беспризорник Жорка Жиленков вступил в ВКП(б) и к тридцати с небольшим годам сделал неплохую партийную карьеру – сначала с 1934 по 1938 год работая директором ФЗУ завода «Калибр», а затем став секретарем райкома партии Ростокинского района Москвы, в котором в то время было около четырехсот тысяч жителей, а также множество крупных промышленных предприятий и учебных заведений. Являлся членом Московского городского комитета ВКП(б) и кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Награжден орденом Трудового Красного Знамени. В Красной Армии с 1941 года. Носил звание бригадного комиссара и являлся членом Военного совета 32-й армии. В начале октября 1941 года получил приказ командующего Западным фронтом Конева передислоцировать штаб и сопутствующие части войск в район Можайска. К моменту получения приказа армия уже была окружена. Управлению штаба армии Жиленковым был дан приказ выходить на Вязьму. 7 октября 1941 года попал в окружение под Вязьмой. 14 октября, севернее райцентра Волостопятница, вместе с группой работников штаба генерал Жиленков добровольно сдался в плен. Звание, фамилия и имя были им первоначально скрыты, и, как ни странно, вполне успешно. С ноября сорок первого под видом шофера Максимова он служил в германской 252-й пехотной дивизии. Участвовал в сопротивлении, устраивая диверсии в тылу германских войск группы армий «Центр». Однако в мае 1942 года судьба его круто изменилась. Во время подготовки взрыва армейского склада под Гжатском Жиленков был опознан и предан лесником Гжатского лесничества Черниковым и арестован немцами.

На первом же допросе он открыл свое истинное имя и звание в Красной Армии и изъявил готовность сотрудничать с немцами. В мае 1942 года Жиленков составил план создания на оккупированной немцами территории русского правительства, в котором предусматривалась организация борьбы против советской власти. После допроса был направлен в ставку Главного командования сухопутных войск Германии в Ангенбург-Лётцен, где беседовал с полковником Ронне. Именно в Лётцене Жиленков оказался соседом по нарам Петра Таврина. По ночам, прислушиваясь к шуму дождя за стенами барака, осторожно вели они протискивающие разговоры. Когда Жора однажды простудился и серьезно занемог, Таврин отпаивал его горячим

кипятком. И именно в этом лагере и начал Жиленков обрабатывать военнопленных, и именно там он написал свою антисоветскую брошюру под названием «Первый день войны в Кремле».

Вскоре, правда, москвич Жора исчез из лагеря, не попрощавшись с дружкой Петром. Встретил его Таврин год спустя и уже совсем в другом качестве.

Спустя месяц Жиленкова переводят на службу в отдел военной пропаганды вооруженных сил германской армии, где он редактировал брошюры и листовки, которые распространялись на фронте и в тылу действующих советских войск, а также основал и редактировал газеты «За мир и свободу» и «Воля народа». В августе он был переведен в бригаду русской национальной народной армии (РННА), дислоцировавшуюся в местечке Осиндорф (80 километров от Смоленска), где формировалась «русская народная национальная армия» (РННА), на место начальника организационно-пропагандистского отдела. Командиром РННА был назначен Боярский. Вначале «армия» представляла собой группу разведывательно-диверсионных отрядов, но к концу 1942 года она насчитывала уже до полутора тысяч человек и занималась подавлением партизанского движения в районе Березино. Когда командующий центральной группой войск фельдмаршал фон Клюге приказал РННА обозначиться в районе Великих Лук для участия в деблокировании окруженной там группировки, Боярский и Жиленков отказались выполнить этот приказ, ссылаясь на то, что их солдаты еще не подготовлены для сражения с регулярными частями Красной Армии. Жиленков и Боярский были арестованы и приговорены к расстрелу, но по ходатайству полковника генерального штаба Ронне взяты на поруки. Жиленков был направлен в отдел пропаганды вооруженных сил Германии в распоряжение генерала Власова, где и начал издавать газету «Доброволец», предназначенную для русских, служивших в вермахте, и распространявшейся также среди военнопленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.